

Иль Елиг

Мы созданы из боли и проклятий.
Любовь нам проиграет

МОНСТР ТВОИХ ПИСЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иль ЕлиГ

Монстр твоих писем

«Автор»

2026

Елиг И.

Монстр твоих писем / И. Елиг — «Автор», 2026

Арден. Что может быть страшнее, когда в один день ты теряешь всех, кого любила, когда узнаёшь, что вся твоя жизнь была ложью, и с семнадцати лет ты обречена не жить, а выживать? Монстр — тот, кто внушает страх и тёмное любопытство, тот, кто должен был быть благодарен, но теперь сидит в тени и указывает тебе, как жить. Монстр. Раз, два — тишина считает пульс виновных. Три, четыре — шаг мой ближе, чем твой страх. Пять, шесть — прячь дыхание в комнатах бездонных, Где сквозняк листает письма в тёмных снах. Семь, восемь — слышишь, как скрипят страницы ночи? Я монстр твоих писем — в каждом между строк. Девять, десять — не смотри мне прямо в очи, Я давно живу у твоих дорог.

© Елиг И., 2026

© Автор, 2026

Иль Елиг

Монстр твоих писем

Внимание: книга содержит сцены, которые могут быть триггерными для некоторых читателей.

В тексте присутствуют: насилие, убийства, сцены жестокости, упоминания расчленения, похищение, психологическое давление, темы семейной травмы и предательства, тяжёлые эмоциональные состояния, а также откровенные сцены 18+.

Плей-лист:

Арден:

Billie Eilish — “Everything I Wanted”

Lana Del Rey — “Dark Paradise”

Daughter — “Youth”

Florence + The Machine — “Shake It Out”

Монстр:

Arctic Monkeys — “Do I Wanna Know?”

The Weeknd — “The Hills”

Kaleo — “Way Down We Go”

Chase Atlantic — “Swim”

Глава 1

Слишком много мужчин

Я проснулась от шёпота — резкого, липкого, будто кто-то произнёс моё имя прямо у самого уха. Этот звук всегда пугал меня и одновременно странно согревал, словно возвращал из глубины сна обратно в реальность. Мне давно следовало привыкнуть к этому ощущению, но каждый раз оно заставляло меня врасплох. Значит, я снова не спала по-настоящему, а лишь скользила по поверхности сновидений, так и не погружаясь в них до конца.

Холод быстро напомнил о себе. Я села на кровати, обняла себя за плечи и, не глядя, накинула кардиган. Конечно, окна и дверь на балкон снова были открыты. Я почти всегда оставляла их такими на ночь, будто ночной воздух был единственным, что мог удержать меня от ощущения удушья.

Лунный свет заливал комнату серебром. Огромные окна превращали пространство в странную сцену из теней и бликов. Это был последний этаж отеля — мой мир, мой уют, моё убежище. Здесь находились спальня, мастерская и всё, что позволяло мне исчезать от людей на дни и ночи.

Днём сюда доносились шаги гостей, запахи еды и приглушённые обрывки чужих разговоров. Ночью же отель менялся. Он будто втягивал в себя весь шум, и люди постепенно растворялись в его стенах, оставляя здание в полной тишине. Казалось, ещё совсем недавно здесь кипела жизнь, а теперь вокруг оставалась лишь пустота.

Я вышла на балкон. Холодный влажный воздух коснулся кожи, и изо рта вырвался лёгкий пар. Туман плотным покрывалом лежал над заливом, стирая границы между водой и небом. Иногда мне казалось, что я стою не над океаном, а прямо среди облаков.

Я глубоко вдохнула и уже собиралась вернуться внутрь, когда в темноте вдруг вспыхнул свет.

Он был коротким и резким, словно кто-то на мгновение разрезал ночь ярким лезвием. Через секунду вспышка повторилась.

Я нахмурилась и внимательнее посмотрела вниз. Свет шёл со стороны воды, но туман скрывал всё происходящее, превращая картину в странную игру теней. Сначала я решила, что мне просто показалось, однако вспышка возникла снова — слишком чётко, чтобы быть иллюзией.

Сердце забило быстрее. Я быстро вернулась в комнату, взяла бинокль и снова вышла на балкон. Сквозь мутную пелену сначала не было видно ничего, кроме размытых контуров, но спустя несколько секунд в тумане начал проявляться силуэт лодки. На ней стоял человек. Фигура казалась тёмной и массивной, лишённой каких-либо различимых черт. Вспышки возникали на уровне головы, и теперь было совершенно ясно, что этот человек фотографирует. И снимает он вовсе не воду и не ночное небо. Он фотографировал мой отель. Посреди залива, в глухую ночь, когда вокруг не было ни одной лодки.

Абсурдность происходящего заставила меня тихо выдохнуть. Лодки здесь были обычным делом, но чтобы кто-то в такой час снимал здание с воды — это было новым даже для этого города.

Фигура двигалась уверенно, будто человек точно знал, какой кадр ищет. Он менял угол, делал паузы, ждал, пока туман немного разойдётся, и снова вспышка разрезала темноту. Это не выглядело случайностью. В его действиях чувствовалось намерение.

В какой-то момент вспышки прекратились, и фигура на лодке замерла. На несколько секунд всё вокруг будто перестало дышать. Мне показалось — не разумом, а кожей — что человек там, внизу, понял: за ним наблюдают.

Мы смотрели друг на друга через пустоту и туман, хотя я не могла различить ни лица, ни даже понять, мужчина это или женщина. Страх я тоже не чувствовала. Я выросла здесь, и тьма всегда была частью этого места.

Лодка медленно развернулась и начала уходить, постепенно растворяясь в серой мгле. Туман сомкнулся над водой, и вместе с ним исчез силуэт, исчезли вспышки, исчезло всё. Осталась только неподвижная гладь залива.

Я ещё некоторое время стояла на балконе, ощущая внутри странное напряжение — не тревогу, а какое-то тихое притяжение, будто ночь прикоснулась ко мне и оставила невидимый след.

Наконец я вернула бинокль на место и закрыла дверь балкона. Здесь всегда было много странных людей. И эта встреча казалась просто ещё одной из многих. Хотя где-то глубоко внутри я уже знала, что она не была случайной.

Я ненавижу в себе эти предчувствия. Ненавижу своё воображение, свою способность чувствовать людей и эту проклятую интуицию, которая почти всегда оказывается правой. Почти — потому что в тот единственный момент, когда она должна была спасти, она промолчала. Именно тогда, когда была нужнее всего.

Глубоко вздохнув, я легла на кровать и посмотрела в потолок. Когда-то давно его разрисовывал для меня папа — звёзды, облака и выдуманные миры, в которых я могла прятаться от всего плохого. Сейчас краска местами потускнела, но рисунки всё ещё жили, словно он оставил здесь часть себя. Грустная улыбка коснулась моих губ, и глаза защипало от подступающих слёз.

— Я так скучаю, пап... мам... — тихо прошептала я в пустоту. — Очень скучаю.

Слова растворились в тишине, и вскоре сон снова утащил меня прочь от боли.

Утром, как всегда, меня будит шум. Даже на самом верхнем этаже, даже с хорошей шумо-
изоляциям этот чёртов отель никогда не бывает по-настоящему тихим. Но я и не ищу тишины.
С детства привыкла к этому фону жизни — шагам, голосам, хлопкам дверей, постоянному

движению. Иногда мне кажется, что его отсутствие напугало бы меня гораздо сильнее, чем его присутствие способно раздражать. Шум означает только одно: начался новый день. А значит — новые задачи, новые заботы и новая борьба за это место.

Иногда я думаю, что мне давно следовало бы всё бросить и уехать. Начать другую жизнь, найти что-то своё, не связанное с этим зданием, с этими коридорами, с этой памятью. Но я не могу. Просто не могу. Это место не отпускает меня.

Нерешённые дела цепляются за душу, как тёмные когти, обвиваются вокруг шеи и медленно тянут назад каждый раз, когда я пытаюсь сделать шаг вперёд. Я слишком хорошо знаю себя: я могу убежать от чего угодно, но только не от того, что осталось незавершённым. И пока здесь живёт прошлое, покоя мне не будет.

Быстро приняв душ, я заглядываю в мастерскую. В воздухе всё ещё держится запах дерева, лака и пыли — тёплый, знакомый, такой родной. Здесь всегда спокойно. Здесь я чувствую себя ближе к папе, чем где бы то ни было в этом отеле. Но сейчас мне нужна помощь. В одиночку я больше не справляюсь.

С детства я наблюдала за тем, как папа создавал мебель, как бережно возвращал старым вещам жизнь. Казалось, он разговаривал с деревом и чувствовал его. Я училась у него всему: движениям рук, терпению, вниманию к деталям. Со временем реставрация стала для меня чем-то гораздо большим, чем просто хобби. Это было занятие, в котором я чувствовала себя настоящей живой.

Однако найти человека, который относился бы к этому так же, как относился папа... а теперь и я, — почти невозможно. Тем более в нашем маленьком городе.

Недавно я решила привести в порядок всю старую мебель из холла отеля. Когда-то она была его гордостью, а теперь требовала заботы. Только времени на эту работу уходило гораздо больше, чем я ожидала. Слишком много лет прожито в каждом стуле, в каждом столе, в каждой потёртой спинке кресла.

Вздыхнув, я вышла из своего убежища и направилась вниз, на первый этаж. Туристы любили наш отель за его старинный стиль, за атмосферу и близость к воде, а ещё за то, что вокруг не было жилых домов. Здесь не чувствовалось обычной городской суеты — только океан, туман и странная тишина между зданиями. Это место будто дышало тайной. Возможно, именно поэтому оно так притягивало людей.

— Мисс Вейл, доброе утро.

Рядом со мной появился Бернارد. Управляющий отеля, которого я знала столько, сколько вообще помнила себя. Он работал здесь ещё при папе — спокойный, внимательный, всегда знающий, что происходит в каждом уголке здания.

— Доброе утро, Бернارد, — ответила я и сразу перешла к делу. — Мне нужна помощь с реставрацией. Одна я буду возиться слишком долго, а оставлять холл без мебели совсем не вариант.

Я на мгновение замялась, подбирая слова.

— Вы здесь работаете очень давно. Может, знаете кого-то, кто действительно умеет работать с деревом? Не просто чинить, а именно восстанавливать вещи.

Бернارد задумался и слегка прищурился.

— Итан, — произнёс он после короткой паузы. — Мой племянник может вам помочь.

Я подняла на него взгляд.

— Он недавно вернулся из Италии. Учился там реставрации, работал в мастерских, брал серьёзные заказы. Но его мама... моя сестра... заболела. Кроме нас двоих у неё никого нет, поэтому ему пришлось вернуться, чтобы быть рядом.

В его голосе появилась тихая усталость, почти незаметная, но тяжёлая.

— Сейчас у Итана своя мастерская здесь, в городе. Он выполняет заказы и отправляет работы в разные места, иногда даже в другие штаты. Не знаю, согласится ли он взяться за ваш

холл, но он единственный человек, которого я могу назвать таким же умелым мастером, каким когда-то был ваш отец.

Последние слова он произнёс особенно мягко. Я невольно улыбкунула. Не грустно — скорее с благодарностью.

— Вы можете дать мне его адрес? — спросила я. — После завтрака я могла бы заехать, посмотреть его работы... и, возможно, попробовать его уговорить.

Бернард заметно оживился.

— Конечно. Я даже заранее предупрежу его, что вы приедете.

— Спасибо вам, — искренне ответила я.

Мы попрощались, и я направилась на кухню. Любопытство уже начинало зудеть под кожей. Интересно, какие вещи создаёт Итан и правда ли он настолько хорош, как говорит Бернард.

После завтрака я вышла из отеля в неожиданно ясное утро. Солнце пробивалось сквозь остатки тумана, а воздух был тёплым и почти обманчиво спокойным. Я на секунду задержалась у двери, раздумывая, брать ли куртку, но в итоге лишь махнула рукой — весна наконец напомнила о себе. Подхватив сумку, я сделала шаг на дорожку вдоль фасада.

В этот момент раздался щелчок. Звук оказался резким и слишком близким. Я вздрогнула и остановилась. В нескольких шагах от меня стоял мужчина с камерой. Высокий, широкоплечий, в чёрных брюках и кожаной куртке поверх тёмной водолазки. Его волосы были чуть длиннее обычного, аккуратно уложенные, но растрёпанные ветром. Камера была прижата к лицу, и, не сводя с меня взгляда, он сделал ещё один снимок — спокойно и уверенно, словно имел на это полное право. Затвор снова щёлкнул. После этого он опустил аппарат, посмотрел на экран и тихо произнёс:

— Изумительно.

На секунду я забыла, как дышать.

— Простите? — выдавила я.

Он поднял глаза. Его взгляд был спокойным и оценивающим, без малейшего намёка на смущение.

— Естественные кадры всегда самые красивые. Без поз, без масок. Просто живая картина.

Он развернул камеру ко мне.

На экране была я — стоящая в дверях отеля, освещённая утренним солнцем и немного растерянная. Сердце неприятно дёрнулось.

— Что... вы что себе позволяете?

Уголок его губ медленно приподнялся.

— Любую хорошую вещь хочется сохранить.

Он нарочно выделил слово «вещь». Наглец.

— Удалите это немедленно.

— Нет.

Он произнёс это спокойно и буднично, словно речь шла о чём-то совершенно обычном. Я крепче сжала ремешок сумки.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

Он чуть наклонил голову, внимательно рассматривая меня.

— Вы в курсе, какие у вас глаза?

Он сделал шаг ближе. Не касался меня, но дистанция между нами заметно сократилась. Его тёмные, почти чёрные глаза смотрели прямо и слишком глубоко.

— Они выглядят так, будто знают больше, чем должны.

На секунду я растерялась, и это раздражало ещё сильнее.

— Это уже переходит все границы.

— Границы существуют для того, чтобы их замечали, — лениво ответил он. — А иногда и для того, чтобы их переступали.

Я резко втянула воздух. И вдруг вспомнила то, что видела ночью: вспышки света в тумане и силуэт лодки на воде.

— Подождите... это вы были ночью у воды? Вы фотографировали отель?

Он не удивился. Лишь на мгновение задержал взгляд на моих губах чуть дольше, чем следовало.

— Отель. И не только.

Между нами повисло напряжение — плотное и осязаемое.

— Зачем?

— Я собираю истории, — спокойно произнёс он. — А ваш отель... и вы... выглядите как начало очень интересной.

Я устало провела ладонью по вискам.

— Слушайте, я не знаю, кто вы и что себе позволяете...

— Рейф, — перебил он. — Меня зовут Рейф. Я здесь, чтобы фотографировать местную красоту.

Слово «красоту» он произнёс так, будто снова сделал снимок. С меня хватит.

— Надеюсь, вы уже сделали достаточно кадров, и мы больше не увидимся.

Я закатила глаза, развернулась и ускорила шаг.

— О, мы обязательно увидимся, — донёсся его голос мне в спину. — Кстати, ты так и не назвала своё имя. Невежливо.

Я не обернулась. Добравшись до парковки, села в машину и резко захлопнула дверь. Меня этим не возьмёшь. Какой-то самоуверенный приезжий фотограф — вот и всё. Я не позволю незнакомцу испортить мне день и не позволю вызвать во мне странные, ненужные эмоции. Даже если они уже появились. Я завела двигатель и выехала с парковки, стараясь думать только об Итане и работе. Но ощущение его взгляда всё ещё жгло кожу.

Дорога к дому Итана заняла не больше пятнадцати минут. Чем дальше я отъезжала от отеля, тем тише становился город. Шум туристических улиц постепенно сменялся узкими дорогами, утопающими в зелени, и домами, которые словно прятались друг от друга. Здесь воздух был совсем другим — чище и спокойнее, без запаха соли и людской суеты.

Дом оказался старым, но ухоженным. Светлый фасад, аккуратное крыльцо и цветы у входа создавали ощущение спокойствия. Я только успела заглушить двигатель, как дверь открылась. Женщина лет пятидесяти с мягкой улыбкой и усталыми, но добрыми глазами посмотрела на меня с лёгким любопытством.

— Вы, должно быть, Арден, — сказала она тепло. — Бернард уже предупредил, что вы приедете.

— Да... здравствуйте.

— Проходите. Итан в мастерской, как обычно.

В её голосе было что-то нежное, почти гордое.

Мы обошли дом, и вскоре до меня донёсся ровный, уверенный звук работы. Я сразу узнала его: так звучит мастерская, когда дерево обрабатывают терпеливо и точно, а инструменты двигаются в руках человека, который знает своё дело.

Мастерская стояла чуть в стороне от дома — большая, с распахнутыми дверями, через которые внутрь свободно лился солнечный свет. Уже с порога я почувствовала то самое ощущение — атмосферу места, где вещи не просто чинят, а возвращают к жизни. Внутри было много мебели. Старой, потёртой, но постепенно преображающейся под чьими-то руками. Здесь

стояли столешницы с новой полировкой, стулья с обновлённой резьбой, шкафы, словно вернувшиеся из другого времени.

И он. Итан стоял у большого рабочего стола, склонившись над массивной деревянной панелью. Его рука уверенно вела инструмент, движения были точными и спокойными, будто он чувствовал каждую линию дерева. Солнечный свет ложился на его плечи и подчёркивал силу в движениях. Я замерла. Смотрела и не могла оторваться. В этом было что-то до боли знакомое. Именно так работал папа. Тот же ритм. Та же сосредоточенность. Та же бережность.

— Он всегда такой, — тихо сказала рядом его мама. — Может часами не замечать ничего вокруг.

Я улыбнулась.

— Видно.

И в этот момент Итан вдруг остановился. Словно почувствовал взгляд. Он медленно поднял голову. Наши глаза встретились. Это длилось всего секунду, но её оказалось достаточно. В его взгляде мелькнули удивление, интерес и что-то ещё — тёплое и внимательное, будто он пытался прочесть меня так же, как читал дерево под своими руками. Сердце странно сбилось с ритма. И я вдруг поняла, что Бернард не преувеличивал. Этот человек действительно умел возвращать вещам жизнь.

Дверь мягко закрылась за его матерью, и в мастерской стало заметно тише. Остались только солнечный свет, запах дерева и приглушённый шум улицы где-то за стенами. Итан положил инструмент на стол, снял перчатки и медленно вытер руки о полотенце. Он не спешил, словно сначала завершал работу, а уже потом переключался на разговор. Только после этого он поднял взгляд.

— Вы Арден?

— Да.

— Итан.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход, и я прошла внутрь. Свет заливал мастерскую широкими полосами, а пыль в воздухе едва заметно поблёскивала. Вдоль стен стояли шкафы, стулья и комоды — старые, но словно вернувшиеся к жизни. Я остановилась у рабочего стола. Резная поверхность под пальцами оказалась гладкой и тёплой.

— Это вы делали? — спросила я.

— Да.

Я провела ладонью по узору.

— Он выглядит... живым.

Итан взглянул на работу.

— Он и был живым. Просто ему напомнили.

Я подняла глаза. Теперь я рассмотрела его внимательнее. Светло-каштановые волосы были слегка растрёпаны, несколько прядей упрямо выбивались и падали на лоб. Лицо спокойное, сосредоточенное, взгляд внимательный и ровный. Он выглядел молодым — либо моим ровесником, либо немного младше. Он заметил, что я смотрю. И не отвёл глаз. Я первой опустила взгляд.

— В холле моего отеля мебель в похожем состоянии, — сказала я, доставая телефон. — Я начала реставрацию, но поняла, что объём работы больше, чем думала.

Он подошёл ближе, взял телефон и молча пролистал фотографии.

— Это займёт время, — сказал он наконец.

— Я понимаю.

Он вернул мне телефон.

— Сделать можно всё.

Эти слова прозвучали просто и уверенно. Мы на секунду задержали взгляды друг на друге.

— Я помогу.

Я тихо выдохнула.

— Спасибо.

И в этот момент я поняла, что сделала правильный выбор.

Чай мы пили за небольшим столом у окна. Его мама поставила перед нами чашки и тарелку с печеньем, затем села рядом и слушала разговор вполуха, занимаясь чем-то своим. Мы обсуждали мебель из холла: возраст дерева, повреждения и то, что ещё можно спасти без полной разборки.

— Там много ручной резьбы, — сказал Итан, задумчиво вращая чашку в ладонях. — Такие вещи редко встречаются в хорошем состоянии.

— Именно поэтому я и не хочу отдавать её обычным мастерам, — ответила я. — Это часть истории отеля.

Он кивнул.

— Мне нравится работать с такими вещами. Заказная мебель — это одно и то же из раза в раз, а антиквариат... у него есть характер.

Я улыбнулась.

— В моей мастерской наверху отеля места достаточно. Мы могли бы работать там вместе.

Итан поднял взгляд.

— Вместе?

— Да. Я не хочу просто наблюдать. Это важно для меня.

Он задумался на несколько секунд.

— Мне это подходит, — сказал он наконец. — Я давно хотел попробовать не работать в одиночку.

Его мама посмотрела на нас с лёгкой улыбкой, ничего не комментируя.

— Тогда через два дня? — спросила я.

— Договорились.

Мы допили чай, обсудили ещё несколько рабочих деталей и попрощались.

Я села в машину и поехала обратно в сторону города. Почти сразу мой взгляд зацепился за огромный баннер у въезда в один из отелей.

«Отель Андерсона. Продаётся».

Я невольно сбросила скорость. Это был самый роскошный отель в городе — стеклянные фасады, панорамные номера, закрытые пляжи для гостей. И не только он: большая часть отелей вокруг принадлежала семье Андерсонов. Пока мой отель Вейл привлекал людей атмосферой прошлого и уюта, их отели выбирали за комфорт, масштаб и статус. И теперь один из них выставлен на продажу. Это казалось странным. Я попыталась вспомнить, слышала ли что-то об этом раньше. Ничего. Через несколько секунд я лишь тихо вздохнула. Я редко интересовалась городскими новостями. Моя жизнь проходила между мастерской и делами отеля, словно в собственном небольшом мире, где не было места чужим делам и сплетням.

Через несколько минут дорога сузилась. И почти сразу я заметила впереди машину. Дорогу, тёмную, стоящую прямо посреди узкой трассы. Дверь была распахнута. В нескольких метрах от автомобиля мужчина стоял спиной ко мне и спокойно курил сигару, будто эта дорога принадлежала только ему. Раздражение вспыхнуло мгновенно. Я нажала на сигнал. Мужчина медленно повернулся. И я сразу узнала его. Элиас Андерсон. Мой бывший одноклассник. Наследник этих самых отелей.

Глава 2

Путешествие в прошлое

Он, конечно, узнал меня сразу. На его лице появилась та самая фирменная улыбка — уверенная, немного лениватая, от которой когда-то сходила с ума половина школы.

Элиас бросил сигару на асфальт, медленно затушил её носком ботинка и пошёл ко мне навстречу, распахнув руки так же, как делал раньше, будто мир существовал исключительно для него. Я тяжело вздохнула. Разговора было не избежать. Оставалось только надеяться, что за эти годы он избавился от своих навязчивых идей по поводу меня.

В школе Элиас всегда проявлял ко мне внимание. Сначала просто держался рядом, а в старших классах начал ухаживать открыто — демонстративно и громко, так, что другие парни даже не пытались подойти ко мне. Девочки поначалу злились, шептались за моей спиной, но со временем привыкли и перестали обращать на это внимание. Возможно, потому что Элиас умел быть убедительным — и далеко не всегда мягко. Пока он добивался меня, он не отказывал себе в развлечениях с другими девушками, и это всегда отталкивало меня. Папе его семья тоже не нравилась: слишком влиятельная, слишком привыкшая решать всё деньгами.

В выпускном классе Элиас будто изменился. Он стал спокойнее и серьёзнее, и, возможно, в другой жизни я действительно дала бы ему шанс. Если бы в тот год мой мир не рухнул.

Потом он уехал учиться, и наши дороги разошлись. За все эти годы он появлялся в городе всего несколько раз, да и то мельком, словно тень из прошлого, которая не задерживается надолго. Честно говоря, со временем я почти перестала о нём думать, как будто он остался где-то в той жизни, к которой я больше не возвращалась. До сегодняшнего дня.

Я заглушила двигатель, вышла из машины и сделала несколько шагов ему навстречу.

— Я сучал, моё небо, — сказал он, уже обнимая меня крепко, притягивая к себе и вдыхая запах моих волос.

«Моё небо».

Так он называл меня из-за моих глаз. Я невольно улыбнулась и обняла его в ответ — осторожно, без той лёгкости, которая когда-то существовала между нами. Прошлое вернулось слишком внезапно.

— Привет, Элиас. Какими судьбами ты снова здесь спустя столько лет? — спросила я, когда он наконец отпустил меня и отступил на шаг, всё ещё удерживая мой взгляд.

— Привет, Арден.

Он улыбнулся — мягче, чем раньше, но в этой улыбке всё равно читалась привычная уверенность.

— Может, пообедает? Всё-таки мы не чужие люди. Заодно поговорим о том времени, которое ты так и не захотела мне дать.

В его голосе прозвучала тихая грусть. Я кивнула, чувствуя, как внутри всё немного напряглось.

Мы вернулись к машинам. Он поехал первым, и я последовала за ним.

Я помню его первое возвращение. Тогда он долго уговаривал меня поехать с ним, начать новую жизнь и дать шанс нам обоим. Он говорил, что расстояние и перемены помогут мне выйти из тени прошлого. Я отказалась. Мои причины, наверное, звучали как оправдания, но для меня они были реальностью. Я не была готова отпустить боль. И не смогла бы, пока монстр оставался в тени.

С нашей последней встречи прошло несколько лет. И та Арден, которой я была раньше, давно исчезла.

Элиас свернул к знакомому кафе — тому самому, куда мы когда-то ходили всей компанией после школы. Сердце неприятно сжалось. Прошлое не спрашивало, готова ли я снова встретиться с ним.

В кафе было тепло и уютно, почти так же, как много лет назад. Те же деревянные столики у окон, мягкий свет ламп, запах кофе и свежей выпечки. Только мы были уже другими.

Элиас помог мне сесть, затем снял пальто и повесил его на спинку стула. И только тогда я увидела его по-настоящему. Он был высоким и крепким, уже без подростковой угловатости. Тело стало сильнее, движения — спокойнее и увереннее. Тёмно-русые волосы падали на лоб,

и в этом больше не было мальчишеской небрежности — только естественная свобода. Серые, почти стальные глаза смотрели внимательно, будто привыкли замечать больше, чем раньше. Лицо стало мужественнее, черты — чётче, а губы остались такими же выразительными.

Он поймал мой взгляд.

— Ты смотришь на меня так, будто сравниваешь с тем парнем из школы.

— Просто ты стал другим.

— Взрослым, — уточнил он. — Наконец-то.

К нам подошла официантка. Элиас взял меню и пролистал его всего секунду.

— Для неё капучино без сахара и ванильный чизкейк. Для меня — чёрный кофе.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Ты помнишь?

— Ты всегда заказывала одно и то же. Даже когда говорила, что хочешь попробовать что-то новое.

В груди что-то неприятно кольнуло.

Когда официантка ушла, он опёрся локтями о стол.

— Ты видела баннер.

— Да. Не ожидала.

Он медленно выдохнул.

— Иногда приходится отпускать то, что кажется вечным.

— Твой отец бы не продал.

— Я не он.

Между нами повисла пауза.

— Ты сильно изменился, — сказала я тихо.

— Потому что многое потерял, — ответил он. — И многое понял.

Он посмотрел на меня дольше, чем раньше.

— Знаешь, все эти годы ты оставалась моей самой большой недосказанностью.

Я замерла.

— Элиас...

— Я не писал тебе. Не звонил. Не появлялся без причины. Но это не значит, что ты исчезла из моей жизни.

Его голос стал тише.

— Бывают люди, которые уходят, но не отпускают. Ты была именно такой.

Серые глаза потемнели.

— Я сравнивал с тобой всех. И никто не выдержал этого сравнения.

Воздух между нами стал плотнее.

— Я вернулся не только из-за бизнеса, Арден.

Моё сердце пропустило удар.

— Я вернулся, потому что устал притворяться, что тебя не существует.

Он замолчал, позволяя словам осесть между нами. И в этом молчании оказалось куда больше смысла, чем в любых признаниях.

— Элиас... — я отвела взгляд и взяла чашку, пытаюсь спрятать дрожь пальцев за фарфором. — Я не готова к таким разговорам. Я пришла сюда, потому что ты прав — мы не чужие люди. Но я не ожидала, что спустя столько лет ты начнёшь именно с этого.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Почему? — спросил он тихо, но в его голосе уже звучало напряжение. — Нам по двадцать шесть, Арден. Сколько лет ты ещё будешь сидеть в этом своём чердаке и делать вид, что живёшь?

Я вздрогнула.

— Элиас...

Он наклонился ближе.

— Ты прячешься. От людей, от города, от себя. Сколько ещё? Пока тебя не убьют?

Эти слова ударили сильнее, чем он, вероятно, рассчитывал. Моё сердце будто провалилось куда-то вниз. Он задел самое больное — грубо, резко, без всякой защиты.

Я медленно поставила чашку на стол.

— Кажется, я зря пришла.

Я уже собиралась подняться, но его ладонь накрыла мою руку.

— Прости, — выдохнул он. — Я не хотел. Это было... неправильно.

В его голосе впервые прозвучала растерянность.

— Но посмотри правде в глаза, — продолжил он уже тише. — Ты правда собираешься провести всю жизнь в ожидании?

Я молчала.

— Ты не хочешь любить? — спросил он. — Быть любимой? Семейно? Детей?

В его голосе звучало не давление — отчаяние.

Если бы он только знал, как сильно я хочу всего этого. Как часто представляю тихие вечера, чужие руки в своих, дом, в котором нет страха. Но моя боль гораздо глубже, чем кажется со стороны.

— Не хочу, Элиас, — сказала я спокойно. — Не всем это нужно.

Это была ложь. И он, кажется, это понял.

— Мне и так хорошо. Давай закроем тему. Я не хочу ссориться с тобой и не хочу разрушать то... что у нас вообще есть.

Я осторожно убрала его руку и мягко улыбнулась. Он вздохнул, провёл ладонью по волосам.

— Ладно.

Несколько секунд мы молчали. Потом он посмотрел на меня уже иначе — без нажима.

— Если у тебя нет срочных дел... а я знаю, что их нет, — добавил он с лёгкой улыбкой, — подари мне этот день. Просто побудь со мной. Без тяжёлых разговоров.

Я посмотрела в его стальные глаза. Он больше не давил. Просто ждал. Конечно, я соглашусь. Конечно — на своих условиях. Элиас всё равно здесь ненадолго. И, возможно, после сегодняшнего дня мы снова исчезнем из жизни друг друга, как уже бывало. Через два дня я закроюсь с Итаном в мастерской — надолго, почти безвылазно. Работа снова станет моим убежищем. Но сейчас...

Иногда мне не хватает мужского присутствия, грубых рук, ощущения, что меня хотят. И Элиас — единственный, с кем я могу позволить себе это. Пока что.

Я медленно обвела пальцем край чашки.

— Ты помнишь, чем заканчивались наши последние встречи, Элиас? — произнесла я с ленивой насмешкой.

Он усмехнулся.

— Конечно, помню.

Он наклонился ближе.

— В последний день перед моим первым отъездом, ты разбила мне сердце... а я лишил тебя девственности.

Воздух между нами стал плотнее.

— А несколько лет назад, — продолжил он тише, — я оставил на твоём теле столько следов, что ты ещё долго чувствовала их под кожей.

Я медленно улыбнулась, прикусив губу.

— И сегодняшний вечер закончится так же?

Я приблизилась к нему почти вплотную. Он задержал взгляд на моих губах.

— Сегодняшний вечер может начаться прямо сейчас, моё небо.

Он бросил купюру на стол, резко встал и потянул меня за руку. Я пошла за ним. Потому что знала — это будет грязно и грубо. И слишком знакомо, чтобы сопротивляться.

Дальше я уже смутно помню, как мы на моей машине добрались до его особняка. Как он, шлёпая меня по заднице, закинул на плечо и понёс в спальню. Как поспешно раздевал и целовал, как этот ублюдок заставил меня сначала отсосать ему, а потом своим искусным ртом несколько раз довёл до оргазма и полного истощения. Не знаю, то ли потому, что он мой первый и единственный в этом плане, то ли потому, что он чертовски хорош в постели, но каждый раз после секса с ним я восстанавливаюсь очень долго — и морально, и физически.

Сейчас я в полусознательном состоянии. Он прижимает мою голову к подушке, держа за волосы, и приподнимает мою задницу для себя, трахая меня как одержимый — рыча, шлёпая, кусая, целуя и оставляя засосы на всех доступных местах. Он любит это. Любит, чтобы я помнила, кто их со мной сделал. Чтобы я долго чувствовала его на своём теле. Но я не помню ни его, ни кого-либо ещё. И не ищу. Пока не могу. Сейчас мне остаётся только наслаждаться им до конца.

— Скажи мне, Арден, — хрипит он, сбившимся дыханием. — Тебя трахали, пока меня не было? Поэтому ты так жадно глотала мой член? Поэтому так отчаянно просила, чтобы я заставил тебя кончить?

Он усмехается.

— Ну конечно, моя маленькая извращенка. Ты же не могла столько лет оставаться без секса, правда?

Его движения становятся жёстче.

— Скажи мне... кто-то доводил тебя до такого? А? Тебе с кем-то было так же хорошо, как со мной? Кто-то поклонялся тебе так же, как я?

Он наклоняется ближе.

— Чужой член твоя киска проглатывала так же жадно?

— Заткнись, — выдыхаю я сорванным, чужим для самой себя голосом.

Рядом с ним исчезает стыд. Мне нравятся звуки, которые я больше не пытаюсь прятать. Я не сдерживаюсь и отдаю ему всё, что он во мне поднимает.

Его дыхание у моего уха, тяжесть его тела, резкие толчки — всё это заставляет меня терять контроль. Каждое движение выбивает из груди грязный стон, и от этого становится только горячее. Когда я стала такой? Ах да. В тот день, когда мой прежний мир рухнул и мне пришлось стать кем-то другим.

— Оставайся со мной, — рычит Элиас, резко шлёпая меня.

— Блядь... больно! — срывается с моих губ, но в этом крике больше огня, чем протеста.

— Мне тоже, Арден. Мне тоже, — отвечает он глухо.

И я понимаю — он говорит не о теле. Он резко переворачивает меня, сгибает мои колени, раздвигает ноги и снова входит в меня — жёстко, глубоко, без пауз. Воздух вырывается из моих лёгких, глаза закатываются, губы растягиваются в безумной улыбке. Наверное, со мной что-то не так. Но сейчас это последнее, что меня волнует.

— Открой глаза, Арден. Покажи мне моё небо, — шепчет он соблазнительным голосом.

Я открываю глаза. Наши взгляды встречаются. Его серые, стальные глаза — обычно холодные и сдержанные — сейчас горят. В этом льду вспыхнул огонь, рвущийся наружу. И это я делаю его таким.

Он накрывает меня своим телом и начинает целовать — жадно, быстро, прикусывая губы.

— Ты думаешь, я трахну тебя и снова исчезну? Думаешь, так просто снова избавишься от меня? — выдыхает он прямо мне в рот, делая резкие, жёсткие толчки, выбивая из меня воздух и сознание.

Он не останавливается.

— Нет, Арден. Я здесь, чтобы трахать тебя каждый день и каждую ночь. Я здесь, чтобы забрать тебя навсегда. Всю — тело и душу.

Я резко распахиваю глаза, но он не даёт мне опомниться. Сжимает шею сильнее. Толкается глубже. Я чувствую, как оргазм снова подступает — узел в животе закручивается всё туже, пока он вбивается в меня, как одержимый, не позволяя дышать свободно.

— Блядь... никто не может довести меня до такого. Никто, кроме тебя, Арден, — рычит он.

Он приподнимается, приоткрывает мой рот и засовывает в него два пальца. Другой рукой сжимает мою челюсть и шею, заставляя кусать — до боли, до крови, до его хриплых рычаний.

И когда он дёргается, закатывая глаза, я кончаю задушенным стоном, вцепившись зубами в его пальцы, чувствуя, как он утолщается во мне, судорожно дрожа и лоя удовольствие на грани боли и оргазма. Пока меня трясёт и я едва дышу через нос, во рту ощущается привкус крови. Его крови. Он заставил меня прокусить его пальцы. Больной убудок, смешивающий всё в одно для своих тёмных желаний. Но лучше ли я? Нет. Это было лучшее, что я чувствовала. Впервые за долгое время я ощущала себя настолько живой.

Он рухнул рядом со мной на кровать, тяжело дыша, всё ещё дрожа. Кожа блестела от пота. Я повернула голову. Глаза закрыты. На губах — мягкая, довольная улыбка. Он выглядел умиротворённым. Почти счастливым. Как будто получил то, за чем пришёл. А я — нет.

Я молча поднялась. Без слов и без взгляда в его сторону. Подобрала одежду с пола и направилась в ванную. Дверь закрылась глухо. Горячая вода ударила по коже, смывая запах его тела, его прикосновения, его голос, который всё ещё звучал в голове.

«Я здесь, чтобы забрать тебя навсегда».

Я закрыла глаза. Нет. Он сказал это в моменте, в экстазе, в горячке. Люди говорят глупости, когда разум затуманен. Особенно такие, как Элиас. Он не должен здесь задерживаться. Ни в этом городе. Ни в моей жизни. Встретаться раз в несколько лет — допустимо. Это не делает его особенным. Ничто не делает его особенным. Я не та Арден, которую можно утащить за собой, убедить, переубедить или сломать. Я не прошлое. И уж точно не приз, который можно «забрать». Если у него остались какие-то иллюзии, ради его же блага ему стоит уехать. Потому что я больше не закрою глаза на поступки избалованного мальчика. Даже если этот мальчик вырос в мужчину.

Я открыла глаза. Вода стекала по лицу, будто слёзы, которых на самом деле не было. Горячие струи скользили по коже, смывая остатки чужих прикосновений, запах его тела и всё то напряжение, которое ещё недавно горело внутри. И впервые за долгое время я почувствовала не жар, а тревогу.

Я закончила душ, быстро вытерлась полотенцем и высушила волосы феном. Натянула одежду на ещё тёплое тело и вышла из ванной, уже готовая уйти.

Элиас сидел на кровати, раскинувшись и опираясь руками назад, совершенно голый и даже не пытаюсь прикрыться. Он выглядел так, будто никуда не торопился и был полностью уверен, что всё происходит именно так, как он и ожидал.

Я тихо вздохнула.

— Было приятно увидеться, Элиас. Как всегда, — сказала я ровно. — Но мне пора.

Он медленно поднял на меня взгляд.

— Ты, кажется, либо не расслышала, либо решила сделать вид, что не поняла, — произнёс он холодно. — Я не собираюсь никуда уходить. И тебя отпустить тоже.

Я усмехнулась.

— Элиас, я не игрушка избалованного мальчика. Не очередное желание, которое ты исполняешь, пока не надоест. Я не стану твоей очередной «вещью».

Он ничего не ответил, но в его глазах постепенно сгущалась та самая стальная холодность, которую я помнила ещё со школы.

— Мы оба прекрасно знаем, как ты обращался со всеми, — продолжила я спокойно. — В своей голове ты делаешь меня особенной только потому, что не получаешь так легко, как хотел бы. Но правда в том, что я такая же, как и все. Ты просто трахнул меня. Не раз. Вот и всё.

Я сделала шаг ближе.

— Не заикливайся. Тебе стоит смириться.

Он поднялся с кровати, натянул боксёры и подошёл ко мне. Я уже повернулась к двери, но он перехватил мою руку у самой ручки.

Наши взгляды встретились.

— Моё небо, — сказал он тихо. — Я никого не делал своей игрушкой. Но ты станешь моей.

Его голос звучал спокойно, и именно это делало слова ещё опаснее.

— Есть игрушки, которые берегут с детства, — продолжил он, не отрывая от меня взгляда. — Их оберегают. Не отдают никому. И если кто-то пытается забрать их, за них дерутся.

Он наклонился ближе.

— Ты будешь моей. И любого, кто посмеет к тебе приблизиться с этой минуты, я раздавлю.

Его стальные глаза впивались в меня, словно он действительно верил каждому своему слову.

Я усмехнулась.

— Дешёвые речи мальчика, который так и не вырос.

Я высвободила руку.

— Мне не до тебя, Элиас. Было приятно увидеться, но у меня полно дел. Через два дня я начинаю работать с человеком в мастерской и буду там практически сутками.

Я шагнула к выходу.

— Время, выделенное тебе, закончилось. Пока.

Не дожидаясь ответа, я толкнула его плечом и быстро спустилась вниз. Сердце колотилось слишком быстро. Я вылетела из дома, запрыгнула в машину и резко тронулась с места. Нужно было убираться отсюда, пока он не решил догнать меня. Глупо было соглашаться ехать к нему. Глупо — и слишком предсказуемо. Я сама прекрасно знала, на что иду. Но теперь всё кончено. Мы взрослые люди. И ему придётся принять это. Даже если ему это совершенно не понравится.

Глава 3

Первая трещина

Неделю назад я начала работать с Итаном, и мы довольно быстро вошли в ритм. Вместе дело шло куда легче. Я уже понимала, что закончим гораздо раньше, чем я рассчитывала, и от этой мысли внутри поднималось странное чувство: сначала радость, а следом — тревога

. Иногда ты спешишь всё закончить, а потом вдруг ловишь себя на вопросе: а что дальше ?

Когда живёшь в клетке, из которой не выбраться, где у тебя нет другого пути и другого выбора, приходится постоянно чем-то заполнять тишину. Возможно, я искала помощника не столько ради работы, сколько ради того, чтобы не сойти с ума от одиночества. А может, просто пыталась оправдать себя.

Итан был немногословным, но в его молчании не чувствовалось холода. Напротив, рядом с ним возникало спокойствие — тёплая, надёжная тишина. Когда он всё-таки говорил, голос звучал мягко и уверенно. Всё чаще я ловила на себе его взгляды — внимательные, чуть задержанные, будто он видел больше, чем позволял себе показать. Иногда между нами случались лёгкие, почти случайные касания рук или плеч, и каждый раз внутри отзывалась странная дрожь.

С одной стороны, мне было приятно. Кроме Элиаса у меня никогда не было подобной близости — ни возможности, ни выбора. С другой — я начинала задумываться, не опасна ли та тонкая грань, на которой мы балансируем, даже если всё наше время проходит лишь в мастерской.

Иногда мои мысли всё равно возвращались к Элиасу. Я больше не слышала о нём. Он не появлялся здесь, не напоминал о себе. Я надеялась, что он всё понял и либо уехал, либо действительно оставил меня в покое. Но беспокойство не уходило. Оно жило где-то глубоко внутри — тихое, упрямое, похожее на предчувствие того, что эта история ещё не закончена.

Сегодня я проснулась слишком рано, ещё до рассвета. В такие часы отель погружается в особенную тишину, и на балконе меня встречает прохладный воздух и ясное, почти прозрачное утро. Я люблю это время — когда можно сидеть в одиночестве и думать о своём, пока демоны внутри лишь дремлют, обещая вернуться позже.

Я спускаюсь на кухню через служебный вход. Верхний этаж принадлежит только мне, и отсюда можно попасть куда угодно — на кухню, в холл, в коридоры.

Кофемашина тихо зашипела, наполняя пространство горьким ароматом свежего кофе. Я взяла чашку, достала из холодильника ягоды и поднялась обратно в свою комнату.

Балкон был моим маленьким миром: узкий столик и один-единственный стул, словно здесь никогда никого не ждут. Так оно и есть. Даже мысль о том, что днём Итан работает рядом, в мастерской по соседству, иногда заставляла меня напрягаться. Вход в мою спальню, в моё убежище, был закрыт для всех.

Я села, поднесла чашку к губам — и вдруг замерла. На воде стояла лодка. В ней виднелась тёмная фигура с камерой в руках. Тумана не было. Отель стоял прямо у залива, а лодка находилась слишком близко, чтобы можно было ошибиться.

Рейф. Я узнала его сразу. Раздражение вспыхнуло мгновенно. Какого чёрта он снова фотографирует мой отель? И почему каждый раз я оказываюсь в его поле зрения?

Я со злостью поставила чашку на стол — кофе плеснулся через край — вскочила и махнула рукой, подзывая его к берегу. С этим нужно было наконец разобраться.

Через несколько секунд он заметил меня, убрал камеру от лица и поднял большой палец вверх. Умник.

Я быстрыми шагами вышла из комнаты, на ходу накидывая кардиган, и почти сбежала вниз. Охранники ночной смены ещё не сменились — я кивнула им и вышла из отеля.

Рейф как раз привязывал лодку к берегу и уже направлялся ко мне со своей неизменной, лёгкой и уверенной улыбкой.

— Вы вообще понимаете, что себе позволяете? — выпалила я. — Мне уже пора в полицию обращаться? Почему вы постоянно фотографируете мой отель?

Он приподнял бровь и внимательно посмотрел на меня.

— Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, я думал, вы в курсе.

— В курсе чего? — раздражение только усилилось.

— Того, что я постоялец вашего отеля. И того, что снимаю его для проекта — в разное время суток и при разной погоде. Я сообщил об этом Бернарду. Милому старику-администратору. Думал, он уже сказал вам.

У меня невольно приоткрылся рот.

— Что?..

Если он говорил правду, это был настоящий кошмарный стыд.

Я жала губы и глубоко вздохнула.

— Я бы не стал фотографировать без разрешения, — продолжил он с лёгкой ухмылкой, явно наслаждаясь происходящим.

— А меня вы зачем снимали в тот раз? — попыталась я спасти остатки собственного достоинства.

— Потому что вы хозяйка отеля. Когда проект появится в сети, людям станет интересно это место. А увидев такую прекрасную хозяйку, клиентов станет ещё больше.

— Простите?

Он слишком выразительно выделил слова «прекрасную» и «клиентов». На его лице читалась игра.

— Я имел в виду клиентов для отеля, — ухмыльнулся он. — Простите, если нарушил ваш покой.

Его взгляд скользнул по мне и задержался на груди. Только в этот момент я вспомнила о майке и поспешно запахнула кардиган.

Он улыбнулся ещё шире.

Я вдруг заметила, насколько прохладно на улице — всё-таки раннее утро. А он стоял всего лишь в футболке цвета хаки, чёрных спортивных брюках и кроссовках, словно холод его совсем не касался.

— Если Бернард дал вам разрешение, то, конечно, фотографируйте, — сказала я уже спокойнее. — Видимо, он говорил мне об этом, а я просто забыла.

Хотя прекрасно знала: я просила Бернарда заниматься всеми подобными вопросами самому и беспокоить меня только в крайнем случае. В этот раз вина была на мне.

— Может, угостите меня кофе, и мы наладим наши напряжённые отношения? — произнёс он, внимательно глядя мне в глаза.

— Сейчас слишком рано для этого, — ответила я, стараясь выкрутиться и поскорее вернуться наверх.

Он едва заметно усмехнулся.

— Но от вас пахнет кофе. Я заметил чашку в ваших руках, когда фотографировал отель.

Я тяжело вздохнула.

— Хорошо. Пойдёмте. Я угощу вас кофе на кухне.

Натянув вежливую улыбку, я развернулась и направилась внутрь. Нужно было наладить с ним нормальные отношения: если его проект действительно выйдет в сеть, последнее, что мне нужно, — образ неприветливой хозяйки отеля. Заодно стоило выяснить его фамилию, масштаб проекта и то, сколько людей вообще увидят эти фотографии.

— Что вы любите? — спросила я, когда мы вошли на кухню.

— Капучино без сахара.

Моя рука на мгновение замерла у кофемашины. Я быстро взглянула на него. Точно так же пью и я. Я мысленно встряхнула себя и занялась приготовлением кофе — мой прежний уже наверняка остыл.

— Может, перекусите? Будете завтракать? — добавила я скорее из вежливости.

— Я предпочитаю ягоды.

На этот раз я едва не рассмеялась от раздражения. Либо у него слишком хороший объектив и он видел всё, что было у меня в руках, либо этот человек просто наслаждается тем, как выводит меня из равновесия. Скорее второе.

Я поставила чашки на стол, достала контейнер с ягодами и придвинула его к нему. Он взял малину, медленно положил её в рот и снова посмотрел на меня тем самым внимательным, почти раздевающим взглядом. Мне стало неловко. Я машинально провела пальцами по волосам.

— Надеюсь, вам нравится в нашем отеле, — произнесла я, пытаюсь разрядить обстановку.

— Нравится, — спокойно ответил он. — И я буду сюда возвращаться. И не раз.

Я уже собиралась вежливо улыбнуться, но он продолжил:

— Только теперь не из-за отеля. А из-за его загадочной хозяйки. С безумно красивым, необычным лицом и глазами, в которых холод и жар существуют одновременно.

Он слегка наклонил голову.

Я замерла, не зная, как реагировать. В воздухе повисло напряжение — плотное, тягучее, словно между нами вдруг возникла невидимая нить. И мне совсем не понравилось, насколько сильно я это почувствовала.

Не зная, что ответить, перебирая в голове возможные варианты, я вдруг поняла, что слишком долго его разглядываю. И мысль пришла неожиданно ясно. А он ведь чертовски хорошо выглядит. Высокий, спортивный, по-мужски привлекательный. В нём есть та самая лёгкая нахальность и прямолинейность, которые не просят разрешения — они просто занимают пространство. А нравятся ли мне такие?

Когда-то мне было запрещено всё. Я никогда не задумывалась о том, какие мужчины мне нравятся. У меня не было права строить отношения, выбирать, пробовать. Я не позволяла себе даже формулировать подобные вопросы.

Наверное, большой ошибкой было выбрать Элиаса и сделать его единственным способом утопить желания. Нужно было предпочесть мужчин на одну ночь. Незнакомцев. Тех, кто исчезает без последствий.

Но тогда я была молода, одинока и напугана. Я не знала, что со мной может случиться, если позволю чужому человеку стать слишком близким. После всего, что я пережила, осторожность казалась единственным способом выжить.

И, возможно, это было нормально. Но сейчас мне двадцать шесть. Я уже не та девчонка. Я взрослая женщина, и ничто не мешает мне иногда позволять себе быть с мужчиной — если он исчезнет потом.

Например, как Рейф. Который сидит напротив и откровенно пожирает меня взглядом. Или Итан — всегда рядом, надёжный, тёплый, но тоже, по сути, временный. Эта мысль впервые проскользнула в голове — и странным образом не показалась неправильной.

— Извините, мне пора, — произнесла я, поднимаясь. — Нужно немного отдохнуть перед рабочим днём. Приятного вам утра.

Рейф тоже поднялся.

— До следующей встречи, Арден, — мягко произнёс он моё имя.

Я невольно замерла. Откуда он знает?.. Хотя, конечно, Бернارد мог сказать. Я сделала шаг к выходу, но он вдруг оказался передо мной слишком близко. Мне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с его глазами. Я почувствовала его дыхание — тёплое, слишком близкое. По коже прошёл лёгкий ток. Совсем не от неприятия. Он наклонился к моему уху.

— Триста пятнадцать. Моя комната. Если вдруг захотите... пообщаться.

Он сделал короткую паузу на последнем слове. Я почти физически ощутила его улыбку. А затем он отстранился и вышел первым, оставив меня стоять посреди кухни с неровным дыханием и странным ощущением, будто я только что перешагнула невидимую границу.

Вернувшись в комнату, конечно, так и не смогла уснуть. Я начала выходить из своей зоны комфорта, и это пугало. Хотя, возможно, именно это было единственным способом не

закрыться от мира окончательно и не сойти с ума в одиночестве. Даже сейчас я ловила себя на том, что нервничаю всякий раз, когда оказываюсь слишком близко к людям, когда разговор становится слишком личным. И пусть письма давно перестали приходить, ощущение его присутствия не отпускало. Будто он где-то рядом. Будто ждёт момента, чтобы снова напомнить о себе. Эта мысль жила во мне постоянно — тихая, навязчивая, как тень, от которой невозможно убежать. И сколько бы лет ни прошло, я всё ещё жила в ожидании.

Воспоминания снова поднимались из глубины памяти — резкие, болезненно ясные, словно всё произошло только вчера. Я ненавижу этот день. Ненавижу — и боюсь его до дрожи. Если бы он тогда не был там... его письма не преследовали бы меня до сих пор. Я, возможно, жила бы спокойно, не вздрагивала от каждого шороха и не ждала бы беды за каждым поворотом. Иногда я не понимаю, как вообще выжила. Как осталась в здравом уме после всего этого. Он ясно дал понять, чего ждёт от меня. И так же ясно показал, что будет, если я послушаюсь. И всё же я до сих пор не понимаю — зачем. Ведь мы оба были жертвами.

Я резко встряхнула головой — так сильно, что на мгновение испугалась, как бы не свихнуть шею. Нет. Я не должна возвращаться в тот день. Нельзя.

Быстро переделалась и почти выбежала сначала со своего этажа, а затем и из отеля. Мне нужен был свежий воздух. Каждый раз, когда становилось невыносимо, я шла вдоль залива — неважно, было ли это раннее утро или поздний вечер. И плевать на опасность. Когда однажды встретила с настоящим монстром, остальные уже не кажутся страшными.

Наконец глубоко вздохнула, понимая, что сегодня эти мысли так просто не отпустят меня. К одиннадцати нужно было вернуться — Итан не должен оставаться один в мастерской.

Я шла долго, уходя всё дальше от отеля. Физическая усталость постепенно стирала рой мыслей в голове, но душевный покой так и не приходил.

Наконец вдоль воды показалась одинокая скамейка. Я села на неё и невольно улыбнулась. Будто это место существовало только для таких же одиноких, как я. Закрывает глаза и прислонилась к спинке скамейки, прислушиваясь к крикам птиц и тихому плеску воды, когда волны мягко ударялись о берег.

Порт-Таунсенд, наверное, самый красивый город Вашингтона. А возможно, и всей Северной Америки. Я никогда не была где-то по-настоящему далеко, но видела другие города по телевизору, в интернете, в журналах — и ни разу не ловила себя на мысли, что какой-то из них выглядит лучше моего. Серое небо, дожди и прохлада держат этот город в плену почти круглый год. Но меня это никогда не тяготило. Я не тянусь к жаре и не мечтаю о местах, где шум становится постоянным фоном жизни. Мне здесь спокойно. И пусть я осталась здесь не по своей воле... думаю, даже если бы тогда уехала, всё равно рано или поздно вернулась бы сюда снова. Некоторые места становятся частью тебя, куда бы ты ни уехал и как бы далеко ни оказался. Они всё равно остаются внутри — тихим якорем, который неизменно возвращает к прошлому. И я ненавижу его за то, что он сделал мой город моей травмой.

— Извините.

Я резко вздрогнула.

— Простите, что напугал. Я просто устал, а это единственное место здесь, где можно немного посидеть. Если вы не против... — парень кивнул на свободную часть скамейки рядом со мной.

Как, чёрт возьми, он подошёл так тихо? Я даже не услышала шагов. Именно так, наверное, и происходят те странные истории, когда кто-то оказывается рядом слишком незаметно. Впрочем, на маньяка он совсем не походил. Я внимательно посмотрела на его спокойное лицо и зелёные глаза — глубокие, живые, напоминающие густой лес за его спиной. Он не отводил взгляда и терпеливо ждал ответа.

— Конечно, — наконец сказала я и подвинулась ближе к краю скамейки.

Он сел рядом, закрыл глаза и скрестил руки на груди, словно действительно был очень уставшим. А я, как последняя бесстыдница, принялась его разглядывать. Он выглядел иначе, чем местные жители. Особенно это выдавали белые кроссовки: в городе, где дождь и грязь почти постоянные спутники, такую обувь никто не носит. На нём было длинное пальто и белая водолазка — слишком чистые и аккуратные для наших улиц. Лёгкая щетина подчёркивала приятные черты лица, а волнистые волосы в утреннем свете переливались оттенками от светло-каштанового до более тёмного. Он определённо был не местным.

Через мгновение он повернул голову и поймал мой взгляд. Господи, как же неловко. Отвернуться сейчас было бы ещё хуже — будто меня застали за чем-то запретным. Я застыла, не зная, куда себя деть, но он ничего не сказал и просто спокойно смотрел на меня.

— Вы просто выглядите не местным, — вырвалось у меня вместе с нервной улыбкой. — Я задумалась, как вы вообще добрались в такую глушь.

Едва заметная улыбка тронула его губы.

— Вы правы, я не местный. Я из Сиэтла. Приехал сюда за тишиной и покоем — этот город показался мне лучшим местом для этого. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, как именно сюда добрался... и тем более не представляю, как теперь возвращаться обратно.

Он говорил спокойно, не отрывая взгляда от моих глаз.

Я кивнула и вдруг заметила, что напряжение внутри постепенно исчезает. Рядом с ним было неожиданно легко и спокойно.

— Я скоро возвращаюсь в отель, — сказала я. — Если вам нужно в город, можете пойти со мной.

— Вы тоже не местная? — спросил он.

— Нет. Я живу в своём отеле.

Только произнеся это, я поняла, что только что рассказала об этом совершенно незнакомому человеку. Что со мной происходит?

— Интересно... — он слегка повернулся ко мне. — Я остановился в отеле «Меркель». Слышали о таком?

— Да! Он ближе всего к моему, — выпалила я чуть громче, чем следовало.

Он приподнял бровь.

— Вы про отель Вейл?

Я кивнула, машинально прикусив губу.

— Я проходил мимо него. Он производит сильное впечатление. Старинный, но не старый. Он заметно отличается от остальных.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Я стараюсь реставрировать всё, не меняя первоначального облика.

И снова — лишняя информация.

— Вы сами этим занимаетесь? — спросил он, и в его взгляде мелькнуло лёгкое удивление.

— Уже не одна, но да.

Я посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Пора возвращаться.

— Вам нужно идти? — спросил он. — Тогда пойдём вместе, раз нам по пути.

Мы поднялись почти одновременно.

— Конечно, — ответила я и шагнула вперёд.

И почему-то впервые за всё утро мне стало чуть легче дышать. Интересно, почему рядом с ним так спокойно? Возможно, потому что я слишком редко вижу людей и ещё реже позволяю себе сблизиться с ними. Хотя в последнее время мужчин вокруг меня стало подозрительно много.

Он не похож на Элиаса. Не похож на Итана. И даже на Рейфа со всей его дерзкой уверенностью. Мы только познакомились и, скорее всего, больше никогда не увидимся. Но это

спокойствие рядом с ним кажется настоящим, а не наигранным. В нём нет ощущения маски — будто это просто его естественное состояние.

— Сейчас самый сезон отдыха, — сказала я, когда мы шли вдоль залива. — Скоро станет холодно, и дожди будут идти почти каждый день.

— Я приехал не отдыхать, — спокойно ответил он. — Скорее это вынужденный отпуск. Мне нужно было уехать, чтобы не сорваться, успокоиться и попробовать начать всё заново.

Он бросил на меня короткий взгляд. Я нахмурилась, пытаюсь понять его слова. Заметив это, он слегка усмехнулся, но уже через мгновение его лицо стало серьёзным.

— Я застал девушку, с которой встречался семь лет, в постели с моим лучшим другом детства.

Он смотрел вперёд, на воду. Сказал это спокойно и без надрыва.

— Ух ты... я даже не знаю, что сказать.

Мы ведь почти незнакомцы, и всё же мне кажется: если бы он знал мою историю, он бы понял, что это ещё не конец света. Боль — да. Предательство — да. Но жизнь на этом не заканчивается.

— Я не люблю обесценивать чужую боль, — тихо говорю я. — Но если ты жив, здоров и, главное, свободен, значит, у тебя всё ещё есть будущее.

Он слушает внимательно, не перебивая.

— Невозможно просто взять и забыть. Боль нужно прожить, прочувствовать... а потом в какой-то момент отпустить. Люди приходят и уходят — родные, любимые, чужие. Но ты у себя один. И важно научиться выбирать себя.

Я делаю короткую паузу, собираясь с мыслями.

— Каждый поступает по своей совести. Если они выбрали этот путь — это их выбор. Твоей вины в этом нет. Просто, к сожалению, когда люди пытаются сделать себе хорошо, они часто забывают, что при этом нельзя раздавливать других.

Я смотрю на воду, где лёгкие волны тихо перекатываются у берега.

— Не позволяй себя раздавить. Стань тем, кто выбирает себя, но не отвечает болью на боль.

Слова повисают между нами. И вдруг я понимаю, что говорю их не только ему, а себе тоже.

Впервые с тех пор, как мы встретились, на его лице появляются настоящие эмоции. Сначала удивление, затем любопытство и, наконец, что-то похожее на внезапное понимание.

— Теперь я точно знаю, что приехал сюда не зря, — говорит он и улыбается.

Улыбка полностью меняет его лицо, делая его живым и открытым.

— Спасибо за поддержку... Кстати, как вас зовут?

— Арден, — отвечаю я и тоже улыбаюсь.

— Лукас.

Он протягивает руку.

Яжимаю её. Его ладонь тёплая, несмотря на прохладную погоду, крепкая, но не давящая — просто уверенная. И вдруг в голове возникает странная мысль: как было бы хорошо иметь такого друга. Его спокойствие словно отводит от меня дурные мысли и гасит внутренний шум, который редко утихает.

В поле зрения появляется фасад моего отеля.

— Что ж, мне в другую сторону, — говорит Лукас, останавливаясь. — Спасибо за слова, за компанию... и за то, что не испугались незнакомца, Арден.

— Я давно не боюсь людей, — отвечаю я тише. — И рада была помочь.

И тут же мысленно ругаю себя за эту фразу.

Он переводит взгляд на отель, затем снова смотрит на меня.

— До встречи, Арден Вейл.

Он произносит мою фамилию спокойно, будто пробует её на вкус.

— До свидания, — отвечаю я, когда он уже отворачивается.

Я стою и провожаю его взглядом дольше, чем следовало бы — почти как влюблённая дурочка.

Когда он исчезает за поворотом, я медленно разворачиваюсь и иду к отелю. И только тогда до меня доходит одна простая мысль. Он сказал: «до встречи».

Глава 4

Забывтое письмо

— С тобой всё в порядке?

Голос Итана вырывает меня из мыслей, словно резкий порыв ветра. Я поднимаю голову и несколько секунд просто смотрю на него, не сразу понимая, что он сказал.

— Что?

Он кивает на мою руку.

— Ты сейчас сотрёшь поверхность полностью. Ты задумалась и даже не замечаешь, как давишь.

Я опускаю взгляд и вижу, что наждачная бумага уже сняла гораздо больше слоя, чем должна была.

— Проклятие... — выдыхаю я и с досадой отбрасываю её в сторону.

Итан подходит ближе. Его ладонь ложится мне на плечо — тёплая, уверенная. Мы оба одновременно смотрим на этот жест, словно осознаём его только сейчас.

— Хочешь поделиться? — тихо спрашивает он.

Хочу ли я? Наверное, да. Но не могу. Всё внутри меня будто смещается, ломается, перестраивается. Мой мир — и внешний, и внутренний — больше не стоит на месте. И это пугает. Любое изменение кажется опасным. Для меня и для всех, кто окажется рядом. Я хочу забыться. Хочу жить. Хочу позволить себе чувствовать. Но не имею права.

Я поднимаю на него глаза и натягиваю мягкую улыбку.

— Просто задумалась. Всё в порядке.

Он смотрит внимательно, будто до конца не верит.

— Хорошо. Но я рядом, если что.

Он аккуратно убирает выбившуюся прядь мне за ухо. Этот жест выбивает из меня воздух. Я вздрагиваю, дёргаюсь в сторону, и инструмент выскальзывает из пальцев, падая на пол.

— Ой!

Мы одновременно наклоняемся, чтобы поднять его, и сталкиваемся лицами. Слишком близко. Я чувствую его дыхание, тепло кожи и лёгкий запах дерева, смешанный с мылом. Сердце начинает биться так громко, что кажется, будто он может его услышать. Мы замираем, глядя друг на друга. И в следующую секунду Итан резко, почти импульсивно касается моих губ своими. Коротко и неожиданно. Мир словно выключается. Я не успеваю ни ответить, ни отстраниться.

Резкий стук двери возвращает меня в реальность. Мы отскакиваем друг от друга так, будто нас обожгло.

— Входите, — говорю я, прокашливаясь.

Дверь открывается, и в мастерскую почти врывается Бернад. В его движениях читается тревога, которую он даже не пытается скрыть.

— Итан! Где твой чёртов телефон? Маме плохо. Она не может до тебя дозвониться. Немедленно езжай к ней.

Голос строгий, но в нём слышится настоящее волнение. Глаза Итана расширяются. Он даже ничего не отвечает — просто вылетает из мастерской, на ходу хватая куртку. Я провожаю его взглядом, затем смотрю на Бернада.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, Арден, спасибо. Ей становится всё хуже, — отвечает он с досадой и поспешно выходит.

Дверь закрывается. И внезапно по телу разливается тупая тяжесть. Работать сегодня уже не получится.

Я умываюсь, переодеваюсь и спускаюсь в ресторан отеля. Шум гостей — лучшее лекарство от мыслей. Он не даёт тишине разрастись внутри.

Я заказываю лёгкий перекус и выбираю дальний столик — тот, где меня почти не видно, но откуда можно наблюдать за всеми. Но как бы я ни пыталась сосредоточиться на шуме людей и мелькании лиц вокруг, внутренние демоны всё равно утаскивают меня обратно в собственные мысли. Я была уверена, что привыкла к своей жизни. К одиночеству и тишине. К замкнутому кругу из работы и воспоминаний. Пока в ней внезапно не начали появляться мужчины — один за другим — и не выбили меня из равновесия.

— Думаешь обо мне?

Я вздрагиваю так резко, что едва не вскрикиваю, когда рядом со мной опускается тяжёлое тело, отрезая путь к выходу и загоняя меня в угол.

Элиас. Чёртов Элиас.

Быстро оглядываюсь по сторонам, но шум ресторана глотает всё вокруг. Никто не обращает на нас внимания.

— Что ты здесь делаешь? — холодно спрашиваю я.

Он улыбается своей фирменной улыбкой золотого мальчика — той самой, от которой когда-то у половины девчонок в школе подкашивались колени.

— Я же говорил, что не уеду.

— Мне плевать. Ты не имеешь права появляться вот так, когда тебе вздумается, — бросаю я сквозь зубы.

— Почему? Это же отель. Сюда может зайти кто угодно, — отвечает он, и его улыбка уже не выглядит такой беспечной.

— Тогда ты гость. А гостям положено сначала идти на ресепшен. Тебе туда.

Я пытаюсь сдвинуть его с места, но он лишь плотнее прижимается ко мне и разворачивается так, что полностью закрывает собой от зала.

— Шутки закончились, Арден.

Он наклоняет голову, и его взгляд медленно скользит к моим губам.

— Столько лет прошло, а я так и не смог тебя отпустить. Ты не понимаешь? Дай мне шанс. Позволь мне завоевать тебя. Неужели ты совсем ничего ко мне не чувствуешь?

В его голосе прорывается почти отчаяние.

— Нет.

Слово выходит резко и холодно.

— Меня здесь никто не держит. Если бы я хотела быть с тобой, я бы уже давно была. Я к тебе ничего не испытываю.

Про первое я вру. Про второе — нет. Я знаю Элиаса слишком давно, чтобы попасться на его игру.

Его челюсть напрягается.

— Да? Тогда проверим.

В его улыбке появляется что-то хищное. Прежде чем я успеваю отреагировать, его рука скользит между моих бёдер.

— Что ты делаешь?! — шиплю я, в панике пытаюсь оттолкнуть его.

Он резко перехватывает мои запястья и прижимает их к своей груди, не давая вырваться. Вторая рука уже медленно скользит по внутренней стороне моего бедра. Проклятие. Как назло, сегодня на мне юбка.

— Элиас! Прекрати! Нас могут увидеть! — пытаюсь я достучаться до него.

— Нас закрывает этот уродливый стол. Со стороны мы выглядим просто как влюблённая парочка, — ухмыляется он, и его рука уже добирается до моего нижнего белья.

— Пожалуйста, прекрати. Давай просто спокойно поговорим, — говорю почти умоляюще.

— У тебя был шанс поговорить до того, как ты снова отшила меня. А теперь я покажу тебе, насколько твоя киска нуждается во мне, пока её хозяйка продолжает играть в недотрогу.

Он наклоняется ещё ближе. Моя спина прижимается к маленькому дивану, а голова невольно откидывается назад.

— Элиас... — слова застревают в горле, когда его горячие губы касаются моей шеи, а пальцы сдвигают трусики и добираются до моей влажной плоти.

— Ещё не мокрая? Сейчас исправим, — хрипит он у самого уха и проводит языком по моей шее, вызывая дрожь и тихий стон.

Проклятие. Я начинаю терять остатки разума каждый раз, когда этот ублюдок касается меня. Его пальцы уже искусно рисуют круги на моём чувствительном узле нервов.

— Пожалуйста... — шепчу я, сама до конца не понимая, о чём прошу.

Он целует меня и проталкивает язык в мой рот. И в этот момент я сдаюсь, забывая, где мы находимся, отвечая на поцелуй и чувствуя, как тело предательски поддается ему.

— Видишь? Твоя киска течёт для меня, Арден, — ухмыляется он и, продолжая пожирать мои губы, медленно вводит в меня два пальца.

Я кусаю его губу, чтобы не закричать. Его пальцы движутся во мне всё быстрее, в том же ритме большой палец обводит мой бугорок, и жар накрывает меня с головы до ног.

— Надеюсь, в благодарность мы поднимемся к тебе, и ты сядешь для меня на колени, да, детка? — выдыхает он мне в ухо.

— Ненавижу тебя... — стону я, и перед глазами вспыхивают звёзды, когда он сгибает пальцы внутри меня.

Я мёртвой хваткой цепляюсь за его рубашку, дрожа от накрывшего оргазма. Он продолжает пожирать мои губы, превращая поцелуй во что-то ещё более развратное, чем сам секс.

— Я соскучился по твоему вкусу, — говорит он, отрываясь от моих губ.

Он вынимает пальцы из меня и медленно засовывает их себе в рот. Я в шоке наблюдаю, как он закрывает глаза и облизывает их, словно пробует не меня, а какой-то изысканный десерт. От смущения и ужаса происходящего, воспользовавшись его секундной потерей внимания, я резко вырываю руки и сильно толкаю его. Потеряв равновесие, он едва не падает, но всё же удерживается на ногах. Выпрямившись, он спокойно засовывает руки в карманы брюк и смотрит на меня ровным, холодным взглядом — словно минуту назад ничего не произошло.

Я торопливо поправляю юбку и оглядываюсь по сторонам. Кажется, никто ничего не заметил. Как он и говорил. И всё же мысль о том, что я позволила ему такое в собственном отеле, почти на глазах у людей, жжёт сильнее любого стыда. В этот момент я не лучше него.

— Убирайся из моего отеля. И больше ко мне не подходи. Ещё раз попробуешь что-то подобное — я обращусь в полицию за домогательства, — говорю я почти с ненавистью и делаю шаг в сторону.

Он резко хватается меня за локоть.

— Твоё тело и твоё поведение противоречат каждому твоему слову, Арден.

Его пальцы сжимаются сильнее, и я чувствую, как в этом прикосновении появляется почти болезненная настойчивость.

— Я знаю, ты что-то скрываешь. Есть причина, которая заставляет тебя быть такой. И я её найду. Найду — и открою нам путь.

В его глазах нет ни капли тепла, только упрямая уверенность человека, который привык добиваться своего.

— Пошёл ты к чёрту.

Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. Я резко выдёргиваю руку, отталкиваю его плечом и, не оглядываясь, быстро направляюсь к лестнице. Единственное желание сейчас — оказаться как можно дальше от него.

Лишь закрыв за собой дверь комнаты, я позволяю себе остановиться. Дыхание сбивается, в висках стучит кровь. Я хватаюсь руками за голову, будто пытаюсь удержать мысли, которые разбегаются во все стороны. Я начинаю терять контроль. Слишком многое выходит из-под контроля. Нельзя подпускать к себе людей так близко. Элиас уже появился во второй раз, и я прекрасно понимаю, что не должно быть ни третьего, ни четвёртого. Он даже не догадывается, во что вмешивается. Я не позволю, чтобы кто-то снова пострадал из-за меня. Не позволю, чтобы кто-то стал жертвой моего прошлого. И пусть я ничего к нему не чувствую — он всё равно остаётся одним из немногих людей, которые связывают меня с той жизнью, что когда-то была у меня до всего случившегося. Я не хочу, чтобы с ним произошло что-то плохое.

Глаза начинают жечь, и слёзы вырываются сами. Я медленно сползаю по двери на пол, прижимая колени к груди и больше не пытаюсь остановить их. Я так давно не позволяла себе плакать. Слабость казалась роскошью, которую я больше не могу себе позволить, поэтому я годами загоняла всё внутрь. Но в последнее время мой мир словно треснул, и из этой трещины снова начинает просачиваться та Арден, тот страх и тот ад, который я столько лет пыталась похоронить.

Когда слёзы постепенно утихают, я иду в душ и долго стою под горячей водой. Струи бьют по плечам и спине, словно пытаюсь смыть всё, что произошло сегодня, но внутри всё равно остаётся тяжесть.

Выйдя из ванной, я чувствую усталость до самых костей. Нужно просто немного полежать и привести мысли в порядок. Через пару часов я вернусь в мастерскую — работа всегда помогает удерживать голову на месте. Итана, вероятно, сегодня не будет: он наверняка остался рядом с матерью. Возможно, сейчас это даже к лучшему.

Я вытираю волосы полотенцем и машинально поднимаю взгляд на тумбочку. В тот же момент меня словно парализует. Сначала я даже не понимаю, что именно вижу, потому что сознание отказывается принимать эту картину. Но через секунду всё становится ясно. На тумбочке лежит конверт. Тот самый.

Сердце резко сжимается, и дыхание на мгновение обрывается. Когда я уходила из комнаты, его здесь не было. Теперь он снова лежит на том же месте, спокойный и безмолвный, будто всегда был здесь.

— Нет... пожалуйста... — шепчу я, чувствуя, как дрожат губы.

Это уже девятое письмо. Каждое из них напоминает мне, что мой кошмар никуда не исчез и что я всё ещё живу по правилам, которые диктует кто-то другой.

Я до сих пор не понимаю, как они появляются. Камеры стоят повсюду — в коридорах, на лестницах, у входов. Но не в моей комнате. И на записях всегда пусто, словно никто не приходил.

Я заставляю себя сделать глубокий вдох и медленно подхожу к тумбочке. Руки дрожат, когда я беру конверт и несколько секунд просто смотрю на него, прежде чем сесть на край кровати. У него всегда только два варианта. Похвала или приговор. Если это приговор, значит, кто-то умрёт — если я не выполню то, что от меня требуется.

Я осторожно открываю конверт и вытаскиваю содержимое. Ладонь сама поднимается к губам, чтобы сдержать крик. Это фотография. На снимке я и Элиас — тот самый момент в ресторане, когда он прижимает меня к дивану. Камера поймала нас со спины, но всё видно слишком ясно, чтобы можно было сомневаться. Он наблюдал. Я переворачиваю фотографию и читаю короткую надпись на обратной стороне. Всего одно слово. «Особенный?» Мне не нужно никаких объяснений, потому что я прекрасно понимаю, что это значит. Если я не докажу обратное, Элиас может не пережить завтрашний день. Страх поднимается внутри тяжёлой волной,

но я заставляю себя удержаться. Паника сейчас ничего не решит. Он решил, что Элиас для меня особенный. Значит, мне придётся доказать, что это не так.

Я резко поднимаюсь с кровати, прячу фотографию и конверт обратно в коробку и начинаю метаться по комнате, пытаюсь понять, что делать дальше. Мысли лихорадочно метались, не находя опоры. Почему именно он? Ведь Элиас — не единственный мужчина, появившийся рядом со мной за последнее время. Рядом были и другие: случайные, временные, почти незнакомые. Но у него всегда есть одно правило, которое он никогда не нарушает. Люди могут быть рядом. Могут появляться и исчезать. Но никто не должен становиться особенным. Тогда почему он зацепился именно за Элиаса? Из-за того, что мы встретились снова? А если он знает о нашем прошлом? Если он решил, что между нами всё ещё что-то есть? Эта мысль сжимает грудь ледяной рукой. Только не он. Пожалуйста, только не Элиас.

Слёзы катятся по щекам, но времени на слабость нет. Я хватаю одежду, натягиваю первое, что попадает под руку, пытаюсь привести себя в порядок. Пальцы дрожат, когда я хватаюсь за косметику, размазывая тушь и снова стирая её тыльной стороной ладони. Мне нужно оказаться среди людей. Мне нужно, чтобы он увидел. Я должна срочно показать, что Элиас для меня ничего не значит.

Рейф? Нет. Он может быть в отеле, а там слишком мало людей. Мне нужно место, где всё происходит на виду, где невозможно ничего скрыть. Я не знаю, насколько внимательно он следит за мной. И не могу позволить себе ошибиться.

Глава 5

Смирение или противостояние

Я останавливаю машину у бара в центре города — на одной из самых оживлённых улиц. Уже на пороге понимаю, что нервничаю сильнее, чем ожидала. Руки не находят себе места, взгляд цепляется за мелочи, а внутри растёт ощущение, будто я совершаю что-то неправильное.

Вечер ещё только начинается, и в зале пока немного людей. Я сажусь у барной стойки и сначала заказываю безалкогольный напиток, но почти сразу понимаю, что это была плохая идея. Если я действительно собираюсь сделать то, что задумала, мне придётся выпить.

Я медленно осматриваю зал. Несколько компаний, пара людей за столиками — и ни одного мужчины, к которому можно было бы подойти естественно, не выглядя странно. Раздражение появляется и почти сразу исчезает. К стойке подходит молодой парень, заказывает что-то у бармена и садится неподалёку. Он один. Это мой шанс. Я поднимаюсь со своего места и подхожу ближе.

— Можно мне какой-нибудь коктейль? — говорю я с лёгкой неуверенностью.

Сразу же мысленно морщусь. Великолепное начало, Арден.

— Что предпочитаете? — спрашивает бармен.

— Что-нибудь не горькое и не слишком крепкое.

Он улыбается так, словно понимает больше, чем я хотела бы показать. В этот момент я замечаю, что парень рядом смотрит на меня. Он чуть качает головой и улыбается краешком губ. Прекрасно. Только этого мне сейчас и не хватало.

— Что? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему.

— Вы явно не частая гостья таких мест, — спокойно отвечает он.

Теперь я могу рассмотреть его внимательнее. Он немного младше меня. Черты лица мягкие и почти слишком правильные, светлые волосы аккуратно уложены, а голубые глаза кажутся слишком ясными для полутёмного бара. На нём белая рубашка и кремовые брюки — светлая одежда делает его ещё заметнее среди тёмных оттенков интерьера.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю я, решив поддержать разговор.

Он слегка пожимает плечами.

— Забудьте. Я просто рад, что вы сегодня здесь оказались. Ной.

Он протягивает руку.

— Арден.

Я отвечаю на рукопожатие, и он удерживает мою ладонь на секунду дольше, чем принято.

— От чего вы спасаетесь? — неожиданно спрашивает он.

Я прищуриваюсь.

— В каком смысле?

— Люди, которые любят вечеринки, не приходят так рано. Те, кто просто хотят выпить, обычно выбирают более тихие места. А вы выглядите слишком элегантно и слишком... приятно, чтобы оказаться здесь случайно.

Он говорит это не как флирт. Скорее как вывод, к которому пришёл после наблюдения.

Я невольно поднимаю брови.

— Тогда вы, видимо, частый гость подобных мест, раз так уверенно делаете выводы.

Я беру коктейль, который ставят передо мной.

— Да, — отвечает он после глотка виски. — Я спасаюсь в аду шума и алкоголя, чтобы не провалиться в ещё больший ад.

В его голосе нет ни тени шутки. На секунду мне даже кажется, что я подошла не к тому человеку. Но постепенно ощущение меняется. Разговор начинает течь удивительно легко — так, словно мы знакомы уже давно. Я сама удивляюсь тому, насколько разговорчивой становлюсь рядом с ним. Возможно, это особенность Ноя — умение вытягивать из людей слова, которые они обычно держат при себе.

Через некоторое время мы пересаживаемся за столик. Он заказывает закуски и новые коктейли — мягкие, сладкие, опасно приятные. Музыка постепенно становится громче, зал заполняется людьми, а наш вечер неожиданно начинает складываться очень легко. И в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что рядом с этим человеком удивительно спокойно. Из него получился бы хороший друг. Если бы моя жизнь была другой. Если бы в ней не было того монстра, который однажды обрёл меня на одиночество.

Ной замечает мой задумчивый взгляд. Его ладонь мягко ложится мне на спину — осторожно, почти невесомо, словно он проверяет, позволю ли я это прикосновение. Я улыбаюсь. Алкоголь начинает действовать: мир становится мягче, а напряжение внутри ослабевает. Я всё ещё чувствую реальность, просто она больше не кажется такой острой.

— Здесь становится слишком шумно. Тебе комфортно? — спрашивает он, склоняясь ближе.

Я слегка качаю головой и на секунду позволяю себе опереться на его плечо.

— А где тебе было бы комфортно? — тихо спрашивает он.

Я поднимаю на него взгляд.

— Например, в твоей постели.

Слова звучат спокойно — без дрожи и без стыда. Но где-то глубоко внутри я всё же чувствую, как пересекаю собственную границу.

— Желание дамы для меня закон, — отвечает он с лёгкой улыбкой.

Ной поднимается первым и помогает встать мне, обхватывая за талию. Я вполне способна идти сама, но он всё равно держит меня рядом, проводя через толпу так, словно защищает от случайных прикосновений.

На улице прохладно.

— У меня машина на парковке, — говорю я, когда мы выходим.

— Прекрасно... но мы оба выпили.

Я смущённо выдыхаю — он прав. Эта мысль даже не пришла мне в голову. Ной ловит такси. Сначала помогает сесть мне, затем устраивается рядом, мягко обнимая за плечи. И в этот момент меня пронзает неожиданная мысль. Я делаю это не потому, что хочу его. Я делаю это, чтобы спасти другого. От этой мысли становится холодно.

Мы приезжаем к отелю «Меркель» — тому самому, который находится ближе всего к моему. Тому самому, где остановился Лукас. Осознание догоняет меня слишком поздно.

— Отель? — переспрашиваю я, когда мы входим в холл.

— Я не местный. В Порт-Таунсенде по делам, — отвечает он легко.

И, возможно, так даже лучше. Мы проведём ночь вместе и исчезнем из жизни друг друга. Скорее всего, для него это привычная история — просыпаться рядом с незнакомкой и не задавать лишних вопросов. И почему-то эта мысль неожиданно успокаивает мою совесть. Я не предаю. Я просто делаю то, что должна. Спасая Элиаса от монстра. И, возможно, наконец избавляюсь от того, что он был единственным мужчиной, который когда-либо касался меня. Стираю его следы. Лишаю прошлое той власти, которую оно слишком долго имело надо мной.

Лифт мягко останавливается. Коридор встречает нас тишиной, и дверь номера щёлкает, закрываясь за спиной. Я не даю себе времени передумать. Подхожу ближе, беру его лицо в ладони и целую первой. Он замирает лишь на долю секунды — возможно, удивлённый тем, как резко я перехватываю инициативу. Но почти сразу его руки ложатся на мою талию, притягивая меня ближе, и он отвечает на поцелуй уже без колебаний. В этот момент я ясно понимаю: точка невозврата осталась за закрытой дверью. Поцелуй Ноя совсем не похож на то, к чему я привыкла. В нём нет жадности или грубого напора — он медленный, тягучий, словно растягивает секунды между вдохами. Его губы не требуют и не забирают, а скорее осторожно касаются границы. Ладони скользят по моей спине, задерживаются на талии, спускаются к бёдрам — мягко, почти исследующе. Он не торопится и не пытается перехватить инициативу. Кажется, он ждёт моего ответа в каждом движении. И вдруг я ловлю себя на мысли, что всегда боялась именно этого момента. Каково это — быть с другим мужчиной после Элиаса? Что, если мне нужна только буря — грубость, напор, огонь, от которого невозможно дышать? Что, если всё остальное покажется слишком спокойным и пустым? Но Ной целует иначе. Его губы словно спрашивают разрешения. Его руки не сжимают — они изучают. И чем дольше длится этот момент, тем яснее я понимаю: мне нравится эта разница. Мне нравится его медленность. Его осторожность. То, что он не пытается завоевать меня силой, а будто открывает постепенно, слой за слоем. Я позволяю ему продолжать — не из расчёта и не из необходимости. Просто потому, что тело отвечает. Прикосновения растекаются по коже, и я закрываю глаза не потому, что теряю себя, а потому что впервые за долгое время слушаю себя внимательно. Удовольствие оказывается совсем другим. У него нет одной формы и одного лица. И в этом открытии есть странное чувство освобождения. Я пришла сюда с целью. С расчётом и планом. Но сейчас я больше не думаю ни о письмах, ни о монстре, ни о том, кто может наблюдать за мной. Сейчас я просто позволяю себе чувствовать. Когда волна проходит через меня, она не обжигает — она медленно погружает. Не крик, а глубокий выдох, после которого внутри не остаётся пустоты.

Позже мы лежим рядом. Его рука спокойно лежит на моей талии — без тяжести, без попытки удержать меня. Просто тепло. Я смотрю в темноту и впервые за долгое время ощущаю не страх перед последствиями, а ясность. Я больше не принадлежу одному сценарию. И мне не нужно оправдываться за свой выбор. Несмотря на страх, злость и всё пережитое, этой ночью я засыпаю спокойно — будто наконец перерезала одну из невидимых нитей, за которые меня так долго тянули из темноты. Будто хотя бы на одну ночь стала хозяйкой собственного тела.

Утром я просыпаюсь одна. Постель рядом смята, но пуста. Из ванной доносится шум воды. Странно, но во мне нет ни разочарования, ни желания дождаться его. Всё произошло именно так, как и должно было. Ночь без обещаний. Без намёков на будущее. Возможно, для

Ноя это обычная история: командировка, случайная женщина, короткое воспоминание, которое не требует продолжения. И я надеюсь, что так и есть. У меня была цель. И я почти уверена, что моё послание дошло.

Я быстро одеваюсь, стараясь не задерживаться у зеркала. Ни одного лишнего взгляда на себя в его номере. Ни одной лишней секунды. Выхожу, пока вода всё ещё шумит за дверью ванной.

В лифте делаю глубокий вдох. Если Ной захочет найти меня, у него ничего не получится. Я не дала ему ничего — ни фамилии, ни адреса, ни даже намёка на то, где меня искать. Я исчезаю так же внезапно, как и появилась. И, выходя из лифта, ощущаю странное удовлетворение: по крайней мере эту часть своей жизни я всё ещё могу контролировать.

— Арден?

Моё имя резко разрезает воздух. Я замираю. Сердце тяжело ударяет в груди. Медленно поворачиваю голову. Лукас. И возникает ощущение, будто мир снова решил сыграть со мной злую шутку. Он внимательно рассматривает меня с ног до головы. Сначала в его взгляде появляется лёгкая растерянность, затем — быстрое, почти болезненное понимание. Я вижу, как в его голове складывается картина. Конечно. Раннее утро. Потёкший макияж. Волосы в беспорядке. Я выхожу из чужого отеля так, словно только что покинула чью-то постель. И что? Почему меня вообще должна волновать реакция мужчины, которого я встретила всего один раз? Я медленно выдыхаю, расправляю плечи и позволяю себе ленивую, почти вызывающую улыбку.

— Здравствуй, Лукас.

— Доброе утро, Арден. Вот так встреча. Я надеялся, что мы увидимся снова. Похоже, судьба решила ускориться. И, признаться, я этому рад.

Он подходит ближе — слишком близко. Улыбка остаётся доброй и спокойной; в ней нет ни осуждения, ни скрытого торжества. Он словно намеренно игнорирует мой внешний вид. И это раздражает сильнее, чем если бы он позволил себе насмешку.

— А может, дело вовсе не в судьбе, — произношу я чуть дразняще. — Мы просто находимся слишком близко друг к другу, чтобы не сталкиваться время от времени.

Он смеётся легко и непринуждённо.

— Тогда тем более стоит воспользоваться случаем. Как насчёт кофе?

Я уже собираюсь ответить — и вдруг останавливаюсь. Зачем? Зачем впускать ещё одного человека в свою жизнь, если я не могу позволить себе ни отношений, ни дружбы, ни даже иллюзии привязанности? Всё, к чему я прикасаюсь, рано или поздно оказывается под прицелом. Я знаю правила. Мне напомнили о них уже девять раз. Лучше остановиться сейчас.

— Прости, Лукас, — говорю мягко, но уверенно. — Я не в том состоянии. И мне нужно спешить. В другой раз.

Я не даю ему возможности возразить. Разворачиваюсь и ухожу. Если задержусь хотя бы на минуту дольше, он сумеет меня переубедить — а я не уверена, что хочу сопротивляться.

До моего отеля совсем недалеко, но я всё равно ловлю такси. Не хочу идти пешком. Не хочу лишних взглядов. Не хочу случайных встреч.

В машине мысли снова начинают кружиться. Почему всё так резко меняется? Мужчины появляются один за другим — разные, непохожие друг на друга. Опасные. Спокойные. Дерз-

кие. Нежные. Будто судьба намеренно испытывает меня, проверяя, кого я выберу. Но у меня нет права выбирать. Ни мужчину, ни друга. Ни даже возможность жить обычной жизнью. Монстр наказывает меня за чужие грехи. Возможно, он считает, что я виновата. Что, спасая одного, я стала угрозой для других. Что во мне есть что-то испорченное. А может, ему просто нужно, чтобы я оставалась одна.

Я вхожу в отель и сразу чувствую это. Охрана смотрит на меня иначе. Не прямо — исподлобья. Слишком внимательно. Слишком долго.

Когда двери лифта закрываются, я успеваю заметить, как они провожают меня взглядами. Стоит мне обернуться — они тут же отворачиваются. Я тяжело выдыхаю. Конечно, они не привыкли видеть меня утром в таком виде. Не выходящей из собственного номера. Не возвращающейся откуда-то. Но если честно, я и сама к этому не привыкла.

На своём этаже я двигаюсь быстро. Ключ, дверь — и тишина. Пальцы дрожат, когда я стягиваю одежду. Я почти срываю её с себя и встаю под душ. Сначала просто стою. Вода стекает по коже — горячая, почти обжигающая. А потом меня ломает. Рыдания вырываются сами — глухие, надрывные. Я сгибаюсь, упираясь ладонями в холодную плитку. Во что я превращаюсь? Во что превратилась моя жизнь? Я мечусь от одного мужчины к другому, будто это может кого-то спасти. Будто подобные поступки способны что-то изменить. Ради чего? Ради кого? Из страха, что с Элиасом что-то случится? Что пострадает кто-то ещё? Что из-за меня снова прольётся кровь? Но разве это мой выбор? Разве я действительно этого хочу? Почему я должна наказывать себя за чужие грехи, за чужую жестокость, за чью-то извращённую любовь? Из-за совести? Из-за той самой совести, которой не хватило тем, кто на самом деле виноват? Почему я должна сидеть и плакать так, будто это я держала ствол? Я ничего не знала. Если бы знала — я никогда бы не закрыла глаза. Никогда. Иногда мне кажется, что он убеждён в обратном. Что он думает, будто я знала и молчала, будто я была соучастницей. Но тогда я была ребёнком. Подростком, который многого не понимал и многого не видел. Я не могла остановить их. И он не имеет права наказывать меня за это. Не имеет права требовать, чтобы я жила в постоянном страхе. Чтобы страдала. Чтобы умирала понемногу каждый день.

Я резко стираю слёзы, хотя под струями воды их всё равно не видно. Я делаю это не ради него. Я делаю это ради себя. Хватит. Я больше не буду слабой. Не буду продолжать эту игру по его правилам. Если ему нужна правда — он её получит. Но уже не так, как раньше. Ему придётся выйти из тени. Придётся посмотреть мне в глаза. Придётся наконец выложить всё на стол. И тогда всё закончится. Либо мы вместе поставим точку в этой истории. Либо разойдёмся раз и навсегда. Но так продолжаться больше не может.

Итан всё-таки пришёл сегодня. За эту неделю я незаметно для себя привыкла к его присутствию. Когда он рядом, мастерская перестаёт казаться клеткой — воздух становится легче, а стены будто отступают. Спокойствие приходит не из слов, а из самой его манеры работать: тихой, сосредоточенной, почти медитативной. Но сегодня в нём нет этого спокойствия. Под глазами лежат тени, лицо выглядит уставшим, а движения стали чуть резче обычного. Он почти не разговаривает, лишь изредка поднимает взгляд, и тогда мы обмениваемся короткими улыбками — скорее по привычке, чем из настоящего настроения.

— С тобой всё в порядке? — наконец спрашиваю я.

— Со мной — да. А с мамой... сама знаешь.

Я киваю. О её состоянии я спросила сразу, как только он вошёл. Ответ с тех пор не изменился.

— Ты не виноват, — тихо говорю я. — Ты делаешь всё, что можешь.

Он смотрит на меня чуть дольше, чем обычно.

— Иногда этого недостаточно, — отвечает он спокойно. — Она не заслужила того, что с ней происходит. Ни болезни. Ни предательства. Ни того, как с ней обошлись.

В его голосе нет истерики — только усталость и тихая, тяжёлая злость, которая оседает где-то глубоко внутри.

— Я понимаю, что не всё зависит от меня, — продолжает он после паузы. — Но от этого не становится легче. Мир иногда бывает слишком жестоким. И к ней... и к нам.

Я не спорю. Он прав. В такой боли нет философии и нет правильных слов. Я просто подхожу ближе и кладу ладонь ему на плечо. Без намёков, без скрытых смыслов — просто жест поддержки. Он накрывает мою руку своей. Его пальцы тёплые и крепкие, и в этом прикосновении чувствуется тихая благодарность. И в этот момент я ясно понимаю одну вещь. С Итаном нельзя играть. Я могу позволить себе мимолётность с другими. Ошибки. Риск. Случайность. Но не с ним. Он слишком тесно вплетён в мою жизнь. Племянник Бернарда. Человек, который почти каждый день рядом со мной. А Бернард — одна из немногих нитей, связывающих меня с тем временем, когда жизнь ещё была простой. Итан добрый. Прямой. Надёжный. Он похож на брата, которого у меня никогда не было. Мне понадобилось время, чтобы это осознать, но теперь я вижу это ясно: каким бы ни оказался мой бой с монстром и каким бы ни был его финал, статус Итана не изменится. Он не станет частью моей войны.

До самого вечера его настроение так и не улучшилось. Он работал с упрямым ожесточением, будто хотел стереть из памяти всё лишнее вместе со старым слоем лака. Движения оставались точными, но в них появилась жёсткость. Ни жалоб, ни лишних слов — только дерево, инструмент и тяжёлое молчание. Я не вмешивалась. Иногда человеку нужно не сочувствие, а пространство, где он может просто держаться. Когда он собирался уходить, я передала ему контейнеры с едой для его мамы — горячие блюда и немного выпечки. Жест, который вряд ли способен изменить что-то серьёзное, но всё же напоминающий о простых человеческих вещах.

— Спасибо, Арден, — тихо сказал он и улыбнулся.

И в этой улыбке было гораздо больше усталости, чем надежды. Дверь за ним закрылась, и в груди остался тяжёлый осадок. Судьба не выбирает виновных. Она просто ломает тех, кто оказался рядом.

Я собиралась спуститься на кухню — перекусить, отвлечься, занять себя чем угодно, лишь бы не оставаться наедине с мыслями. В этот момент зазвонил телефон. Неизвестный номер. Пальцы сами собой сжались. Кровь будто схлынула от лица. А если это он? Если монстр решил больше не прятаться за конвертами?

— Алло? — мой голос выдаёт меня, дрожит.

— Арден. Это я, Элиас.

Голос хриплый, сдавленный, будто каждое слово даётся через боль.

Я резко выдыхаю.

— Что тебе нужно?

— Меня избили, — говорит он коротко, без всяких вступлений. — И сказали, что это из-за тебя. Тащи свою задницу ко мне, если не хочешь, чтобы я заявился в твой отель в таком виде.

Связь обрывается. В комнате становится слишком тихо. Удар под рёбра. Воздух выходит сам собой. Нет. Я ведь показала. Я провела ночь с Ноем. Я дала понять, что Элиас не особенный. Он должен был это увидеть. Должен был принять правила. Или... увидел всё иначе? Мысль холодная и быстрая, как лезвие: он выбрал именно Элиаса. Но почему? Потому что он из моего прошлого? Потому что между нами когда-то была история? Потому что он знает обо мне больше, чем я думаю?

Я хватаю куртку и почти бегу к двери. Лифт движется мучительно медленно. Охрана что-то говорит — я не слышу. Стрелка скорости поднимается выше, чем когда-либо раньше. Асфальт расплывается перед глазами. Сердце бьётся уже не от страха — от ярости. Если это предупреждение, он просчитался. Если это игра, он выбрал не ту фигуру. Монстр решил выйти из тени? Хорошо. Я больше не собираюсь прятаться за попытками кого-то «спасти». Не буду

метаться между мужчинами, как будто это может стать защитой. Если это война — пусть будет война. Но теперь я сама выберу поле боя.

— Кто этот ублюдок, Арден?!

Дверь распахивается почти сразу после моего стука. Элиас стоит на пороге, и на мгновение у меня перехватывает дыхание. На губе кровь. Под глазом расплывается тёмный синяк. На переносице свежая ссадина. Одной рукой он придерживает рёбра, движения скованы. Одежда в грязи, словно его не просто били — швыряли на землю. Мы проходим внутрь. Он морщится, но ничего не говорит.

— Объясни, что случилось, — стараюсь говорить ровно, хотя напряжение всё равно звенит в голосе.

— У ворот меня ждали трое, — бросает он, тяжело опускаясь на диван. — Пришлось выйти из машины. Они налетели сразу. Без слов, без требований. А когда уходили, один сказал: «Передай Арден — я не куплюсь на эти трюки. В следующий раз она получит приглашение на твои похороны».

В комнате становится холодно. Я замираю. Он всё таки выбрал Элиаса. Мой трюк с Ноем сработал — но совсем не так, как я рассчитывала. Он увидел, понял это, и разозлился. Потому что решил, что ради Элиаса я готова была лечь под первого встречного.

— Тебе нужно уехать, — говорю я коротко.

По выражению его лица понимаю: не уедет.

— Не зли меня, Арден, — он наклоняется вперёд, и голос становится жёстким. — Скажи, кто этот ублюдок.

— Ты видел их лица? Того, кто говорил?

— Нет. Маски и черная одежда, как у воров.

Чёрт.

— Тогда объясни мне, что происходит, — продолжает он сквозь зубы. — Или я иду в полицию. Они использовали твоё имя.

— Не будь жалким, — резко отвечаю я. — Арден — не такое уж редкое имя. Этим ты меня не напугаешь. И не веди себя так, будто имеешь право меня допрашивать.

— Твою мать! — он резко вскакивает, тут же морщась от боли. — Меня избili из-за тебя! Я имею право знать, какая тварь это устроила! И я вырву ему кишки!

Он уже теряет контроль.

— Я тебя предупреждала, — говорю я холодно. — И предупреждаю в последний раз: держись от меня подальше. Уезжай. Это не та история, в которой ты хочешь участвовать. Я не виновата, что ты не слушаешься.

Я направляюсь к двери.

— Арден.

Он хватает меня за руку. Хватка сильная, отчаянная.

— Я беспокоюсь за тебя. Скажи мне, кто он. Чего он хочет. Я сделаю для тебя всё.

Я смотрю на него прямо.

— Мне не нужна твоя помощь, Элиас. От него ты меня не спасёшь.

Он вздрагивает, будто само слово ранит.

— Я пришла только затем, чтобы узнать подробности, — продолжаю я спокойно. — Не жалею меня. Пожалей себя. Уезжай. Со мной ничего не случится.

Я вырываю руку и выхожу, не оборачиваясь. Но, закрывая за собой дверь, я уже знаю: он меня не слушает.

Глава 6

Ловушка для монстра

В тот день, когда я вернулась к себе после встречи с Элиасом, меня уже ждало новое письмо. Конверт лежал на столе. Я сразу поняла, что это. За девять лет подобные вещи невоз-

можно перепутать. И всё же руки дрожали, когда я открывала его. Внутри была фотография. На ней — Итан. Я перевернула снимок. На обратной стороне было написано всего одно слово «Следующий?» Я закричала. Громко, яростно — так, что самой стало страшно от собственного голоса. Да, я решила бунтовать. Решила больше не жить по его правилам. Но одно дело — играть со мной, и совсем другое — втягивать в это людей, которые ни в чём не виноваты. Итан не должен был стать частью этого. Бернард — единственный близкий человек, который у меня остался. А Итан скоро станет единственным близким человеком для самого Бернарда, особенно если учитывать состояние его матери. Я не могла рисковать ими. Поэтому я попросила Бернарда передать Итану, чтобы он больше не приходил на работу. Я видела озадаченное выражение лица Бернарда, но он ничего не спросил. Несколько дней спустя Итан пришёл сам. Он хотел поговорить со мной лично. Но я отказалась. Ради его же блага. Позже он написал сообщение. В нём не было обвинений, но разочарование читалось между строк: ради этой работы он отказался от нескольких заказов, а я просто решила оттолкнуть его без всяких объяснений. Я долго смотрела на экран телефона. Но так и не ответила. Врать я не хотела. А к правде никто из них не был готов.

С тех пор я почти не выходила из отеля. В последние дни я практически не покидала свою комнату. Даже за едой больше не спускалась — её приносили прямо к двери, и это устраивало меня гораздо больше, чем необходимость сталкиваться с кем-то в коридорах. У меня появилось слишком много времени для мыслей. Я пыталась составить план. Снова и снова прокручивала в голове возможные варианты, пытаюсь найти хоть один способ выманить его так, чтобы из-за меня больше никто не пострадал. Но каждый раз всё упиралось в тупик. Я не знала, как это сделать. А закончить всё это нужно было как можно скорее.

Потому что за последнее время я успела почувствовать, какой может быть другая жизнь. Жизнь, в которой есть флирт, свидания и отношения, где рядом могут быть друзья, разговоры и смех, где можно позволить себе развлечения и простую человеческую близость. Я хотела жить полной жизнью, а не продолжать наказывать себя за прошлое, в котором не было моей вины, и тем более не собиралась позволять какому-то ублюдку делать это вместо меня.

Когда-то я уже пыталась доказать, что он существует. Пыталась убедить людей, что за мной следят, что кто-то проникает в мою комнату и оставляет письма. Но всё обернулось против меня настолько быстро и жестоко, что в какой-то момент начали сомневаться уже не в моих словах, а в моём рассудке. После этого я оставила любые попытки просить у кого-то помощи. С этим я должна разобраться сама. Только вот как?

Резкий звонок телефона вырывает меня из мыслей. Я поднимаю голову и только теперь замечаю, что за окном уже давно стемнело, а я всё ещё сижу в мастерской. Потянувшись к телефону, который закреплён на стене, поднимаю трубку.

— Да?

— Мисс Арден? — раздаётся в трубке знакомый голос, в котором слышится лёгкая насмешка.

Я сразу напрягаюсь.

— Подожди... на этот телефон могут звонить только сотрудники отеля. Как ты это сделал?

— Милая официантка жалилась надо мной и позволила воспользоваться кухонным телефоном, — отвечает он притворно безобидным тоном.

Я тяжело вздыхаю.

— Что вы хотели, мистер Рейф?

— Звучит удивительно сексуально, когда ты произносишь моё имя таким официальным тоном, — смеётся он. — Завтра утром я уезжаю из города и подумал, что, возможно, ты захочешь посмотреть фотографии, которые я сделал.

В его голосе снова слышится эта привычная двусмысленность. Я уже готова ответить «нет», но в последний момент останавливаю себя.

— Я подумаю, — говорю коротко и кладу трубку.

На самом деле мне действительно интересно, какие фотографии он сделал и где собирается их показывать. Но рисковать я не хочу. Хотя, если подумать, монстр всегда охотился на тех, кто задерживался в моей жизни слишком надолго. Рейф же уезжает утром, а значит, из всех возможных вариантов он сейчас самая безопасная компания.

С этой мыслью я иду в душ, уже понимая, что, скорее всего, всё-таки спущусь к нему в номер.

Я уже стою у двери его номера и сама не понимаю, зачем вообще пришла. Рука поднимается, чтобы постучать, но так и замирает в воздухе. Я кусаю губу, колеблясь между желанием развернуться и уйти и странным любопытством, которое всё-таки привело меня сюда. Именно в этот момент дверь открывается. Моя рука так и остаётся поднятой.

— Я ждал тебя, Арден. Почему-то был уверен, что ты придёшь, — говорит Рейф с той самой улыбкой, в которой всегда есть немного насмешки и слишком много уверенности.

Он перехватывает мою ладонь и мягко тянет меня внутрь комнаты.

— Мне просто интересно, как именно ты собираешься представить мой отель, — говорю я, стараясь звучать спокойно, хотя понимаю, что это больше похоже на оправдание.

— Конечно, — отвечает он невинным тоном, прекрасно понимая, что я пытаюсь скрыть настоящий интерес.

Я лишь улыбаюсь и качаю головой. Пока он достаёт фотоаппарат и ноутбук, я ловлю себя на мысли, что рядом с таким человеком, как Рейф, удивительно легко перестать всё время держать дистанцию. В нём есть что-то живое и свободное, словно он приносит с собой движение и шум ветра. Он будоражит, заставляет чувствовать себя чуть менее осторожной, но при этом рядом с ним не возникает ощущения опасности.

Я опускаюсь в кресло, а он ставит ноутбук на столик передо мной и подключает к нему фотоаппарат. Наклоняясь, Рейф опирается руками по обе стороны кресла, и я неожиданно осознаю, насколько он близко. Этот жест получается почти интимным, и на секунду я понимаю, что давно не оказывалась в ситуации, где мужчина просто находится рядом, не требуя ничего и не пытаясь ничего доказать.

Он запускает просмотр, и на экране начинают сменяться фотографии. Я смотрю на них почти не отрываясь и постепенно понимаю, что вижу отель иначе, чем привыкла. Через его объектив он выглядит не просто старым зданием у воды, а местом с характером и атмосферой, в которой чувствуется история. Мне вдруг становится ясно, почему люди останавливаются здесь и почему возвращаются снова.

Через некоторое время Рейф пересаживается напротив, наливает нам вина и начинает подробно рассказывать о своём проекте. Слушая его, я замечаю, как меняется его голос и даже выражение лица. Когда речь заходит о работе, он перестаёт быть тем лёгким и слегка дерзким человеком, которого я видела раньше, и говорит спокойно, уверенно и сосредоточенно, как настоящий профессионал. Из его рассказа становится понятно, что если проект победит или хотя бы окажется среди лучших, в следующем году в моём отеле гостей станет ещё больше, хотя и сейчас мне не приходится жаловаться на их количество.

— Ну что думаешь? — спрашивает он, когда заканчивает.

— Думаю, это потрясающе. И сам проект, и его масштаб. Я действительно благодарна, что ты выбрал именно мой отель.

Я невольно касаюсь шеи, пытаюсь размять мышцы.

— Болит? — сразу замечает он.

— Немного. Похоже, я сегодня слишком долго работала в мастерской.

— Тогда позволь мне помочь.

Он встаёт позади меня и осторожно начинает разминать плечи. Я собираюсь возразить, но слова так и не появляются, потому что напряжение в мышцах постепенно уходит, а вместе с ним исчезает и привычная настороженность.

— Я тоже рад, что выбрал твой отель, — тихо говорит Рейф. — Хотя бы потому, что благодаря этому познакомился с безумно красивой женщиной.

Его пальцы на мгновение замирают, а затем губы касаются моей шеи. Я невольно откидываю голову назад, чувствуя, как внутри поднимается тёплая волна, в которой смешиваются вино, усталость и неожиданное осознание того, что утром он уедет и исчезнет из моей жизни так же внезапно, как появился.

Он нежно берёт меня за шею и приподнимает моё лицо, чтобы поцеловать. Сначала его поцелуй осторожный, почти проверяющий, словно он пытается понять, насколько далеко я позволю ему зайти. Но когда я отвечаю ему с таким же желанием, его движения становятся настойчивее. Теперь в этом поцелуе уже нет сомнений. Я не знаю, что движет мной — вино или собственное желание. Скорее всего, и то и другое. Я обвиваю руками его шею и отвечаю на поцелуй так же жадно, позволяя всему накопившемуся напряжению вырваться наружу. Мы целуемся долго, почти теряя ощущение времени. Когда он наконец отрывается от меня, его дыхание тяжёлое, губы приоткрыты, а взгляд скользит по моему лицу, будто он пытается запомнить каждую деталь.

— Я бы сошёл с ума, если бы уехал, так и не попробовав тебя, — говорит он хриплым голосом. — Позволь мне позаботиться о тебе.

Я не нахожу в себе сил что-то сказать и просто медленно киваю. Он обходит кресло и на секунду останавливается передо мной. Его взгляд скользит сверху вниз, изучающий и откровенный. Затем он тянется к моему свитеру и снимает его вместе с майкой. На мне нет бюстгалтера, и его взгляд сразу останавливается на моей груди.

— Я подозревал, что ты охуенная, — усмехается он, хотя в его глазах больше восхищения, чем дерзости.

Я решаю больше не затягивать этот момент и, поднимая ноги, упираюсь ими в его грудь, давая понять, что дальше он может действовать сам.

— С тобой будет весело, податливая малышка, — тихо говорит он, и в его голосе звучит обещание.

Он резко снимает с меня брюки вместе с трусами, затем садится передо мной на колени, берёт мои ноги, сгибает их и, раздвигая, кладёт на подлокотники кресла. Это самая пошлая поза, в которой я когда-либо была, и меня должно было бы волновать, что у меня нет стеснения, но стыд можно оставить на завтра.

— Восхитительно, — хрипит он и кладёт руки на внутренние стороны моих бёдер, фиксируя их.

Наши взгляды встречаются, и он медленно, не отрываясь, наклоняется к моему центру. Сначала я чувствую его дыхание на своей мокрой плоти, а потом кончик его языка. Я ахаю и закрываю глаза.

— Покажи мне всю свою реакцию. Покажи, насколько тебе это нравится, — требует он и начинает пожирать меня.

Я даю волю эмоциям, и мои стоны наполняют комнату. Его язык проходит по мне сверху вниз медленными движениями, вызывая во мне дрожь, но козёл не даёт мне кончить — доводит до грани и резко меняет темп.

— Рейф, пожалуйста...

— Блять! Тебя даже не приходится просить быть хорошей девочкой. Ты выше всех ожиданий, — говорит он с восторгом и сосредоточивает язык на моём нервном комочке.

Волна оргазма проходит по моему телу, и я кричу, не боясь, что из соседних номеров услышат меня. Мои ноги дрожат, и я больше не могу их держать. Он кладёт их на свои плечи и, одновременно массируя, оставляет поцелуи, давая мне время прийти в себя.

— Готова ко второму раунду? — усмехается он через несколько минут.

— Сегодня для тебя сколько угодно раундов, нахальный парень, — дразню его.

— Мать твою, блять, — вскакивает он на ноги.

— Двигайся, малышка, дай мне насладиться тобой. Покажи, в какой позе и как ты хочешь, чтобы я трахал тебя, — кивает он мне.

Хоть я и обмякшая после оргазма, но моё тело оживает от ожидания. Я встаю, кладу колени на кресло и, держась за подголовник, наклоняюсь вперёд, прогибая спину и выпячивая задницу.

— Это грёбанный ад. Трудно будет кому-либо переплюнуть тебя. Это была плохая затея — залезть к тебе в трусы, но дороги назад уже нет. Мой член болезненно ноет, просясь к тебе, — говорит он хаотично, грубо и отчаянно.

Пока он возится с брюками, я понимаю, что снова переживаю незнакомый мне секс. Рейф сочетает в себе жёсткость Элиаса и нежность Ноя, и это тоже мне нравится. Видимо, я могу наслаждаться любым видом секса.

Пока эта мысль не успевает вызвать во мне беспокойство, Рейф хватает меня за бёдра и резко входит одним толчком. Из меня вырывается крик, а он протяжно стонет, ругаясь.

Сначала он делает несколько размеренных толчков, давая мне привыкнуть, потом уско-ряется, полностью выходя и вбиваясь в меня до самого конца. Пошлые звуки шлепков наших тел наполняют комнату. Мы не сдерживаем стоны и наслаждаемся каждой секундой нашего первого и последнего секса.

— Блять, я близко, — рычит он.

Он поднимает меня, обнимая одной рукой за талию, а другой наклоняя мою шею к себе для поцелуя.

Моя спина прижата к его груди, руками я цепляюсь за его руку на моей шее. Его ладонь с моей талии спускается ниже и касается моей чувствительной плоти, и я стону ему в рот. Я чувствую, как снова готова взорваться, и скорость Рейфа становится неконтролируемой. Его рука слегка сжимает моё горло, и я снова теряюсь в реальности, кончая и чувствуя, как он утолщается во мне, с рычанием отрываясь от моих губ. Мы дрожим, удерживаясь друг за друга, проживая удовольствие до конца. В какой-то момент я не выдерживаю и падаю на подголовник кресла, чувствуя его вес на своей спине. Пытаясь успокоиться, я ощущаю, как усталость и сон постепенно размывают сознание. Рейф слезает с меня и берёт на руки.

— В душ или в постель? — спрашивает он.

— Спать, — зеваю я и вижу его улыбку.

Когда он кладёт меня на кровать, я замечаю презерватив и чувствую укол паники. Я ведь даже не спросила его об этом. Вот дура. Слава богу, он оказался ответственным.

Он укрывает меня, оставляет мягкий поцелуй на губах и идёт в ванную. А я позволяю усталости утащить меня в сон.

Я вздрагиваю от прикосновения и резко распахиваю сонные глаза. На мгновение сердце тревожно сжимается, но, увидев перед собой Рейфа, я сразу успокаиваюсь.

— Мне пора в аэропорт, соня. Решил попрощаться, — говорит он с лёгкой улыбкой.

Я медленно поворачиваю голову к окну и замечаю, что за стеклом всё ещё темно.

— Так рано? — спрашиваю хриплым после сна голосом.

— Да. Самолёт вылетает в семь, — отвечает он и мягко проводит рукой по моим волосам. На несколько секунд в комнате становится тихо.

— Хочешь что-нибудь сказать на прощание? — спрашивает он почти с мальчишеским энтузиазмом.

Я поднимаю на него взгляд. Наши глаза встречаются, и внутри неприятно сжимается что-то тяжёлое. Мне не хочется произносить то, что я должна сказать. Вчера всё было просто. Почти беззаботно. Но утро всегда возвращает реальность. А в моей реальности нет места людям, которые хотят остаться. Я задерживаю взгляд на его тёмных глазах, собираясь с силами.

— Хочу. Не возвращайся больше. Пусть это будет наша последняя встреча.

Я небрежно целую его в щёку и отворачиваюсь, будто это не имеет никакого значения. Но краем глаза всё равно успеваю заметить, как мгновенно исчезает улыбка с его губ и меняется взгляд. Я делаю вид, что ничего не заметила. Чувствую, что он стоит рядом и не двигается. Секунды тянутся слишком медленно, и я почти физически ощущаю его взгляд на себе. Я мысленно молюсь, чтобы он ничего не сказал и просто ушёл. Потому что если он начнёт спрашивать... я не знаю, что смогу ответить. К счастью, он ничего не говорит. Через несколько секунд он резко поднимается и быстрыми шагами выходит из комнаты, громко хлопнув дверью. Я вздыхаю и натягиваю одеяло до самого подбородка, пытаюсь унять беспокойство, которое медленно расплзается внутри. Вины я не чувствую и не чувствую, что кого-то предала. Это тоже была всего лишь одна ночь. Мы ничего друг другу не обещали, и он не имеет права злиться. Тем более он уезжает, а значит всё закончится так же быстро, как и началось.

Но сейчас это не моя главная забота. Завтра куда более важный день. Я снова возвращаюсь мыслями к своему плану и прокручиваю его в голове уже в который раз. Возможно, он не сработает. Возможно, это всего лишь отчаянная попытка ухватиться за последнюю возможность. Но другого способа выманить его я так и не придумала.

Завтра наша годовщина. Я поеду туда, где всё началось, в то место, куда не возвращалась ни разу после нашей первой и единственной встречи. И почему-то внутри меня живёт упрямая уверенность, что он появится.

Весь оставшийся день проходит словно в густом тумане. Я двигаюсь, что-то делаю, отвечаю людям, но почти не чувствую времени. Мысли раз за разом возвращаются к завтрашнему вечеру, и от этого напряжение внутри только усиливается.

В мастерской я даже не пытаюсь работать. Я беру инструменты, раскладываю материалы, но через несколько минут понимаю, что просто стою и смотрю в одну точку. Сосредоточиться невозможно. Как бы я ни убеждала себя успокоиться, какие бы разумные объяснения ни придумывала, тревога всё равно остаётся.

В какой-то момент я перестаю бороться с этим состоянием и просто принимаю решение.

Я поеду. Он ничего не сделает со мной. Или сделает. Он проникает в мою комнату и не трогает меня. Кто знает, возможно, даже когда я сплю, он бывает здесь. Если это так, бояться мне, наверное, нечего. Но если быть честной с самой собой, я боюсь вовсе не этого. Я боюсь, что он не придёт.

Ночь проходит беспокойно. Уснуть так и не получается, и я долго ворочаюсь с боку на бок, снова и снова пытаюсь заставить себя закрыть глаза. Но стоит только задремать, как мысли возвращаются к тому месту и к той ночи, с которой всё началось.

Утром зеркало встречает меня усталым отражением: опухшие глаза, тёмные круги под ними и бледное лицо. Но сейчас это не имеет значения. Есть я не могу, думать о чём-то другом тоже не получается, поэтому я почти не выхожу из комнаты и просто жду. Жду, когда наступит вечер.

Когда стрелки часов наконец показывают шесть, я словно вынырываю из оцепенения. Быстро собираюсь, спускаюсь вниз, выхожу к машине и сажусь за руль. Несколько секунд просто сижу, крепко сжимая руль и пытаюсь успокоить дыхание, затем делаю глубокий вдох, заводжу двигатель и выезжаю. Я еду туда, где всё началось. На свой суд. Дорога занимает всего пятнадцать минут.

Я уже подъезжаю к старой береговой батарее форта Уорден. Когда выхожу из машины, грудь болезненно сжимается от нахлынувших воспоминаний. Медленно направляюсь к форту. Он стоит прямо на берегу океана. Здесь сохранились старые бетонные военные укрепления, построенные больше ста лет назад. Массивные стены, низкие бункеры, входы в тёмные коридоры, лестницы, ведущие вниз к воде, широкие площадки, где когда-то стояли пушки. Теперь всё это заросло травой и мхом, а в потрескавшемся бетоне проросли тонкие стебли растений.

С океана почти всегда дует сильный ветер, и его холодные порывы свободно гуляют между стенами укреплений. К вечеру это место становится почти безлюдным.

Я поднимаюсь по старой бетонной лестнице и выхожу на площадку батареи. Подойдя к краю, сажусь на холодный бетон и свешиваю ноги. Передо мной открывается тёмная вода океана, ветер треплет волосы, а волны с глухим шумом разбиваются о берег. Позади остаётся узкий проход между стенами батареи, поэтому, если кто-то появится, я услышу шаги.

С того дня это место стало известно людям своей трагичной и жестокой историей, поэтому местные стараются обходить его стороной. Разве что туристы, не знающие этой истории, иногда забредают сюда.

Меня накрывают самые разные эмоции. Девять лет назад именно в этот день мой мир перевернулся. Я потеряла всё и всех. Пытаясь сделать добро, я навлекла на себя зло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.